

А. Ю. Митрофанов

Галла Пластидия и ее эпоха в освещении Прокопия Кесарийского и его источников

УДК 94(37)(092)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_73
EDN LQQIBE

Аннотация: Статья посвящена биографии западноримской императрицы Галлы Пластидии в освещении византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского. Автор исследует вероятные источники Прокопия и приходит к выводу, что союз Галлы Пластидии и восточноримской императрицы Пульхерии против узурпатора Иоанна должен быть интерпретирован в более широком контексте так называемого крестового похода Пульхерии против персов и гуннов. Автор анализирует события кампании Флавия Ардабура против сасанидского царя Бахрама V Гура в 421–423 гг. на основании комплексного изучения источников. Автор высказывает и отстаивает мнение, согласно которому пленение Флавия Ардабура Иоанном и захват Равенны войсками Аспара были частью стратагемы Галлы Пластидии, которая опиралась на пример визиготского короля Алариха в 410 г.

Ключевые слова: Галла Пластидия, Пульхерия, Прокопий, Олимпиодор, Приск, Арбадур, Аспар, Бахрам Гур, персы, гунны, аланы, вандалы.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, доктор истории, археологии и искусств Лувенского Католического университета, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: *Митрофанов А. Ю.* Галла Пластидия и ее эпоха в освещении Прокопия Кесарийского и его источников // *Христианское чтение.* 2023. № 2. С. 73–102.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 01.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2023

Andrey Yu. Mitrofanov

**Galla Placidia and Her Era in the Coverage
of Procopius of Caesarea and His Sources**

UDK 94(37)(092)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_73
EDN LQQIBE

Abstract: The article is devoted to the biography of the Western Roman Empress Galla Placidia in the coverage of the Byzantine historian of the VI century Procopius of Caesarea. The author examines the probable sources of Procopius and comes to the conclusion that the alliance of Galla Placidia and the East Roman empress Pulcheria against the usurper John should be interpreted in the broader context of the so-called “crusade” of Pulcheria against the Persians and Huns. The author analyzes the events of Flavius Ardabur’s campaign against the Sasanian king Bahram V Gur in 421–423 on the basis of a comprehensive study of sources. The author expresses and defends the opinion that the capture of Flavius Ardabur by John and the capture of Ravenna by the troops of Aspar were part of the stratagem of Galla Placidia, which was based on the example of the Visigothic king Alaric in 410.

Keywords: Galla Placidia, Pulcheria, Procopius, Olympiodorus, Priscus, Arbadur, Aspar, Bahram Gur, Persians, Huns, Alans, Vandals.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts at the Louvain Catholic University, Researcher at the St. Petersburg Theological Academy; full member of the T.V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

For citation: Mitrofanov A. Yu. Galla Placidia and Her Era in the Coverage of Procopius of Caesarea and His Sources. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 2, pp. 73–102.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 01.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

τούτω δὲ συνῆν καὶ Γάλλα Πλακιδία,
ὀμοπατρία αὐτοῦ ἀδελφή,
παραπλησίως πολὺν ποιουμένη λόγον τῆς θρησκείας
καὶ τῶν ἐκκλησιῶν
Sozom. HE IX. 16. 2.

Прокопий Кесарийский, историк, посвятивший свое основное творчество августейшим современникам — Юстиниану I (527–565) и Феодоре (527–548), уделил некоторое внимание трагическим событиям первой половины предыдущего столетия, когда варвары дважды взяли великий Рим¹ и неоднократно угрожали Константинополю. Описывая события, сотрясавшие римский мир в V в., Прокопий в значительной степени опирался на сочинения своих предшественников, прежде всего на произведения двух известных римских дипломатов V в.: Олимпиодора Фиванского и Приска Панийского, от которых сохранились только разрозненные фрагменты в выдержках Фотия и других византийских эпитоматоров. Среди различных персонажей, упомянутых Прокопием в контексте римской истории кровавого V в., важное место занимает августа Галла Плацидия (388/392–450), императрица западной части Римского мира (Западной Римской империи). Целью настоящей статьи является исследование того, каким образом ключевые этапы политической биографии Галлы Плацидии, среди которых важное место занимают ее взаимоотношения с племянницей — восточноримской императрицей Пульхерией, повлияли на историческое повествование Прокопия Кесарийского и его предполагаемых источников.

Драматическая судьба Галлы Плацидии и ее отношения с варварами кратко описаны Прокопием в первых главах «истории войны с вандалами» (*De Bello Vandalico*), возможно, на основании сочинения Олимпиодора, который уделил Галле Плацидии и ее связям с варварским миром весьма значительное внимание. Мог ли Прокопий при описании событий из жизни Галлы Плацидии использовать труд Приска Панийского? Подобный вопрос был в свое время поставлен таким известным специалистом по истории эпохи Юстиниана I, как Бертольд Рубин [Rubin, 1954, 128]. Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным, так как нам точно неизвестно, с какого времени начал описывать исторические события Приск. Был ли он продолжателем Олимпиодора или Евнапия [Blockley, 1981, 50]? Если Приск был продолжателем Евнапия и начал свое повествование приблизительно с 411 г., в таком случае он мог доставить Прокопию много ценных сведений о Галле Плацидии и ее эпохе. Если Приск был продолжателем Олимпиодора и начал описывать события, начиная с промежутка между 425 и 434 гг., тогда, по всей видимости, единственным эпизодом из жизни Галлы Плацидии, который мог заимствовать у Приска Прокопий, были события, связанные с вторжением вандалов и аланов в Северную Африку. Аверил Кэмерон рассматривала возможность использования Прокопием сочинения Приска для описания истории вандалов и аланов в эпоху Гензериха с известной долей скепсиса. Исследовательница подчеркивала, что знакомство Прокопия с текстами Приска не доказано, и что Прокопий, вероятнее всего, опирался на разнообразный круг источников [Cameron, 1996, 210–211]. Я полагаю, что среди этих разнообразных источников, использованных Прокопием, вполне мог находиться труд Приска, ибо было бы весьма странным, если бы Прокопий не знал о сочинении своего предшественника, которого без сомнения можно признать первым по-настоящему крупным римским историком после Аммиана Марцеллина. Если сочинение Приска использовал Евагрий Схоластик [Allen, 1981, 240], почему же в таком случае с этим сочинением не мог ознакомиться Прокопий, который интересовался военно-политической проблематикой явно не меньше Евагрия?

Как справедливо отмечал американский византист Кеннет Холум, первая половина V в. была не только периодом упадка Западной Римской империи

¹ Аларих в 410 г. и Гензерих в 455 г.

и формирования в Европе первых варварских королевств. Это время стало эпохой, когда римским миром управляли женщины, императрицы, принадлежавшие династии Феодосия I (378–395): на Западе царствовала Галла Пластидия, дочь Феодосия и мать дерзкой невесты гуннского царя Аттилы, Юсты Граты Гонории, а на Востоке — Пульхерия (399–453), внучка императора Феодосия [Holum, 1989, 217–228]. На первый взгляд, указанное обстоятельство было признаком политической слабости разделенной Римской империи перед лицом страшной угрозы, которую представляли собой кочевники-гунны и гуннская военно-политическая гегемония в Восточной Европе. Однако на самом деле именно императрицы из династии Феодосия спасли Римское государство от, казалось бы, неминуемого краха. Галла Пластидия, в юности попавшая в плен к визиготам, стала визиготской королевой, усвоила готский язык и восточногерманские обычаи, во многом способствовала романизации визиготов и смогла силой оружия, с помощью Пульхерии, завоевать престол своего отца. Пульхерия, правившая Восточной Римской империей за своего брата, далекого от политики Феодосия II (408–450), не только успешно сопротивлялась гуннам и персам, защищая христианскую веру, но также выдвинула талантливых военачальников, помогла Галле Пластидии свергнуть узурпатора Иоанна и вернуть престол, тем самым обеспечив на длительное время династическое единство Римской империи. Этот феномен заслуживает пристального изучения, ибо если Галла Пластидия в своей политической практике пыталась воплотить в жизнь традиционную римскую идею господства, доминирования, то Пульхерия проделала сложный путь от политического господства к христианской святости.

Галла Пластидия родилась в Константинополе приблизительно между 388 и 392 гг. в семье императора Феодосия I (378–395) и его второй жены, августы Галлы (374–394). Феодосий был сыном известного военачальника Феодосия Старшего, происходившего из римской Испании. В царствование Валентиниана I (364–375) Феодосий-отец успешно воевал с каледонцами в Британии, с аланами на Дунайском лимесе и против мятежника Фирма в Мавритании, но в начале правления Грациана (375–383) он был казнен. Нельзя исключать, что после скорострительной смерти Валентиниана I Феодосий-отец планировал военный переворот, но был предан кем-то из своих офицеров. Но казнь отца никак не отразилась на военной карьере сына: после разгрома и гибели Валента (364–378) в битве при Адрианополе в 378 г., в начале следующего 379 г. Феодосий-сын был провозглашен августом Востока волей западного императора Грациана.

Вторая жена Феодосия I Галла благодаря своей матери могла похвастаться императорским происхождением, особенно выдающимся на фоне относительно скромного происхождения самого Феодосия. Мать Галлы, императрица Юстина (†388), обладала авантюрным складом характера и была женой двух императоров: галльского узурпатора Магненция (Ioan. Ant. Fragm. 212) и Валентиниана I. Сократ Схоластик рассказывает анекдот о знакомстве Юстины и Валентиниана I. По сообщению историка, первая жена Валентиниана I и мать императора Грациана Марина Севера, посещая термы, увидела там обнаженную Юстину и восхитилась ее красотой. Марина Севера рассказала об удивительной девушке мужу, который немедленно изъявил желание познакомиться с ней, а затем взял ее в жены, то ли расставшись для этого с Мариной Северой, то ли превратившись в двоеженца (Socr. Schol. HE IV. 31). Как доказал Тимоти Барнс, мать Юстины была дочерью цезаря Криспа и его жены Елены; тем самым, Юстина приходилась правнучкой Константину Великому (306–337) и праправнучкой Констанцию Хлору (293–306) [Barnes, 1982, 44; Barnes, 1998, 124]. В действительности, если принять утверждение Т. Барнса, становится очевидно, что за эротическим анекдотом Сократа Схоластика скрываются приземленные политические мотивы Валентиниана I. Этот император желал вступить в брак с наследницей династии Константина Великого для укрепления как своих собственных политических позиций на Западе, так и позиций своего брата Валента на Востоке, которые были поколеблены восстанием Прокопия (365–366). Узурпатор Прокопий, как известно, был двоюродным братом Юлиана Отступника (361–363) по материнской линии и оправдывал свою узурпацию

апелляцией к своему происхождению от рода Константина [Курбатов, 1958, 3–26]. Впрочем, по свидетельству источников, обе императрицы, как Юстина, так и Галла, действительно отличались зненой иберийской красотой, которую передали Галле Плацидии. Об этом свидетельствует, в частности, знаменитое изображение V в., выполненное в технике «Zwischengoldglas» (по-русски ее чаще называют на французский манер «эгломизэ» (églomisé)), из коллекции Музея Святой Джулии (Брешия), на котором присутствуют портреты Галлы Плацидии как уже царствующей императрицы и ее детей.

У Юстины были причины опасаться Грациана, сына Валентиниана I от первого брака, из-за неясного будущего собственного маленького сына Валентиниана II (375–392). Хотя, как отмечает Аммиан Марцеллин, Грациан любил единокровного брата и заботился о его воспитании (Amm. Marc. XXX. 10. 6), но в перспективе Грациан мог произвести наследника и тем самым неизбежно поставить права Валентиниана II как императора под серьезное сомнение. К счастью для Юстины, первая жена Грациана Фаустина Констанция, которая также, как и Юстина, принадлежала к династии Константина Великого, но, в отличие от Юстины, была императорской дочерью², умерла бездетной. Вторая жена Грациана Лета могла родить наследника, но фортуна и на этот раз улыбнулась Юстине. Летом 383 г. в Британии против Грациана вспыхнул мятеж под предводительством Магна Максима, который очень быстро перекинулся на Галлию и встретил поддержку солдат и офицеров галльской армии. Как отмечает Орозий, восставшие солдаты буквально заставили Максима принять императорскую порфиру (Oros. VII. 34).

Британские легионы и ауксилы часто поднимали мятежи еще в III в. Кровавая история узурпаторов Караузия и Аллекта (Pan. Lat. III. 7. 2; III. 19. 4–5) служит наглядным примером давнего сепаратизма римских ветеранов и колонистов на Британском острове [Casey, 1994, 29–128]. Кроме того, многие ветераны британских легионов и ауксилией воевали против пиктов и скоттов под командованием Феодосия Старшего (Amm. Marc. XXVIII. 3. 1–2) и были недовольны казнью своего командира в далеком Карфагене. По справедливому замечанию Аммиана Марцеллина, галльская армия была склонна к возмущениям не менее своих британских сослуживцев. Примеры этих возмущений были еще очень свежи в воспоминаниях современников (Amm. Marc. XXX. 10. 1). Отчасти непокорность галльских солдат питалась памятью о независимой от Рима «империи» Постума (260–269) и Викторина (269–271), которая сочеталась с присутствием в войсках преступного элемента, связанного с багаудами [Дмитриев, 1940, 101–114]. Но в большей степени подобная специфика галльской армии была следствием того привилегированного положения, в которое солдаты и офицеры этой армии, нередко обладавшие германским происхождением, были поставлены Константином, ибо Константин, по его же собственному выражению, дошел во главе этих солдат от Атлантического океана до Вифинии, сражаясь и побеждая сперва Максенция (306–312), а затем Лициния (308–324) (Petr. Patr. Fragm. 14). Сознание собственного превосходства подтолкнуло в 340 г. солдат галльской армии к тому, чтобы поддержать безумную авантюру Константина II (337–340), который потребовал от младшего брата Константа (337–350) принадлежавшие ему провинции (Zon. XIII. 5. 7–8). Получив отказ, Константин II во главе галльских солдат напал на италийские владения Константа, но, напившись допьяна, попал в засаду под Аквилеей, упал с коня и был убит. Труп Константина II был сброшен солдатами Константа в реку Альса (Zon. XIII. 5. 8–13; Ps. Aur. Vict. XLI. 21; Philost. HE III. 1; Socr. HE II. 5; Eutr. X. 9. 2; Zos. II. 41). После этого поражения галльские подразделения, скрепя сердце, подчинились победителю, но годами ждали возможности взять реванш. Такая возможность в конечном счете им представилась. В 350 г. галльская армия свергла Константа и в Августодуне провозгласила императором комита Магненция, сына франкской женщины и какого-то бритта. Констант пытался бежать в Испанию, но был схвачен и безжалостно зарезан

² Фаустина Констанция была дочерью Констанция II (337–362) и его третьей жены Фаустины.

(Zos. II. 42; Ps. Aur. Vict. XLI. 22–23; Cons. Const. 350. 1). В кровопролитной гражданской войне 351–353 гг. Магненций потерпел полное поражение, но галльская армия не смирилась с гибелью своего вождя и в 355 г. провозгласила императором магистра пехоты Сильвана (Amm. Marc. XV. 5. 17–29), который в свое время предал Магненция и перешел на сторону Констанция II накануне решающей битвы при Мурсе. Через пять лет после гибели Сильвана, убитого солдатами, которые были подкуплены магистром конницы Урсицином, патроном Аммиана Марцеллина, в 360 г. галльские войска вновь подняли мятеж против Констанция II и провозгласили императором Юлиана Отступника (Amm. Marc. XX. 4. 14–18).

Мятежи галльских солдат имели еще одну важную причину, которая заключалась в религиозном расколе позднеримского общества. В период христианизации империи, которую обычно связывают с Миланским эдиктом (313), традиционный языческий консерватизм населения Галлии играл роль фронды, направленной против религиозной политики Константина и его сыновей. Как справедливо отмечает Т. Барнс, личное обращение Константина в христианство (Lactan. de morte XLIV. 5; Euseb. VC I. 28) имело значение для религиозной эволюции самого императора, но это событие уже было подготовлено нарастающей со времен императора Галлиена (253–268) популярностью христианства среди высших классов Римской империи, причем преимущественно в восточных провинциях [Barnes, 1997, 99–110]. Никомидийский эдикт Галерия 311 г. (Euseb. HE VIII. 17. 3–10) и Миланский эдикт Константина и Лициния 313 г. (Euseb. HE X. 5. 1–14) официально прекратили «великое гонение» на христиан, имевшее сугубо политические причины, связанные с борьбой за власть между тетрархами, но сами по себе эти эдикты не были манифестами новой религиозной эры; они лишь констатировали фактическую победу христианства в восточных провинциях, в то время как население западных провинций, особенно в сельской местности, оставалось преимущественно языческим.

Первые законы Константина в отношении христиан давали клирикам иммунитет от общественных повинностей, защищали Кафолическую Церковь от еретиков (донатистов) и язычников, препятствовали декурионам вступать в клир и пользоваться его правами, превращали клир в привилегированное сословие. По мнению Теодора Моммзена, эти законы издавались после победы над Максенцием в битве у Мульвийского моста (28 октября 312 г.) и позднее, в том числе на протяжении двух военных кампаний против Лициния, т. е. между 316 и 324 гг. (CTh XVI. 2. 1–5; CJ I. 2.1); [Lizzi Testa, 2013a, I, 351–367; Lizzi Testa, 2013b, II, 273–289]. Поэтому мнение о том, что Константин обратился к христианству лишь под влиянием убийств Криспа и Фаусты в 326 г., восходящее к Евнапию и Юлиану Отступнику, не выдерживает никакой критики (Soz. HE I. 5) и, как отмечал еще Евагрий Схоластик, не выдерживает последствий сознательной диффамации Константина придворными пропагандистами Юлиана. Очевидно, что Константин достаточно рано начал укреплять христианство в наиболее с религиозной точки зрения консервативной провинции, а именно в Галлии. Уже в 314 г. по инициативе императора был созван церковный Собор в Арле, который среди прочего постановил отлучать от Церкви дезертиров из армии Константина, готовившегося в это время к войне с Лицинием (de his qui arma proiciunt in pace, placuit abstinere eos a communionem) [Hefele, Leclercq, 1907, I, 282]. Подобные меры императора свидетельствуют о существовании в Галлии достаточно влиятельной языческой оппозиции.

Юлиан в своем стремлении к восстановлению язычества не был одиночкой, но опирался на достаточно широкую общественную поддержку, в том числе и в армейской среде [Haensch, 2004, 525–531]. Возможно, языческие предпочтения галльских солдат проявились уже в период мятежа Магненция. Одни исследователи видят в Магненции типичного римского военачальника времен тетрархии, имитировавшего «путь Константина», мечтавшего объединить под своей властью все провинции Константа, включая Испанию, Африку и Балканы, или же, напротив, узурпатора-сепаратиста, стремившегося возродить традиции Галльской «империи» Постума и Викторина. Другие полагают, что движение Магненция представляло собой первый

опыт политической консолидации офицеров германского происхождения на территории римской Галлии. Третьи утверждают, что за Магненцием стояла языческая партия, сторонники которой пытались превратить военный мятеж этого полуварвара в политическое движение антидинастического характера, направленное на защиту языческой религии, римского сената и Рима как столицы империи. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют монеты, чеканившиеся Магненцием на монетном дворе в Аквилее, а также надписи Магненция, оставшиеся от кратковременного периода его господства в северной Италии [Raimondi, 2006, 267–281]. При этом христианство в арианской форме имело большое значение для юной супруги Магненция Юстины, которая в дальнейшем оказывала арианам всемерное покровительство в качестве правящей императрицы при своем сыне, юном Валентиниане II, и вела борьбу против близкого Феодосию католического епископа Амвросия Медиоланского. Внучка Юстины Галла Плацидия унаследовала благочестие своей бабушки, но придерживалась католической веры своего отца в соответствии с Фессалоникийским эдиктом, который был издан от имени Грациана, Валентиниана II и Феодосия в 380 г. (СJ I. 1. 1).

Учитывая все эти обстоятельства, положение Грациана в Галлии было весьма неустойчивым с самого начала. При этом молодой император лишь усугубил его тем, что, по свидетельству Псевдо-Аврелия Виктора, сформировал свою конную гвардию из аланских наемников, завел дружбу с аланскими вождями и стал наряжаться в сарматскую одежду, выказывая презрение римским солдатам и офицерам комитата (Ps. Aur. Vict. XLVII. 6). В результате против Грациана вспыхнул мятеж. Он потерпел поражение от мятежников под Лютецией Паризийской вследствие измены мавританской конницы и, возможно, своего военачальника франка Меробавда. Император пытался бежать, но был настигнут отрядом Андрагафия и убит под Лугдуном (Zos. IV. 35; Prosp. a. 383).

Узурпатор Магн Максим, утвердившийся в Галлии и Британии, до определенного момента не покушался на итальянские владения Валентиниана II и стоявшей за ним властолюбивой матери. Власть Максима над западными провинциями даже получила признание восточного императора Феодосия, который, возможно, не испытывал к погибшему Грациану особенно теплых чувств вследствие казни своего собственного отца в начале его правления. Но в 387 г. Максим нарушил договор с Юстиной и Феодосием и под предлогом защиты православной веры от арианства, которого придерживались Юстина и юный Валентиниан II, вторгся в Италию. Юстина была вынуждена бежать с сыном и дочерьми в Константинополь, где прибегла к помощи Феодосия. По свидетельству Зосима, в Константинополе Юстина организовала интригу, представив незадолго перед этим овдовевшему Феодосию свою красавицу дочь Галлу, которая рыдала и оплакивала свою судьбу изгнанницы. Феодосий был пленен этой девушкой и пожелал жениться на ней, но Юстина поставила императору условие для заключения брака: Феодосий должен был немедленно начать войну против Максима (Zos. IV. 44. 3–4). Женитьба Феодосия на сестре Валентиниана II сулила политические выгоды обоим императорам, что, конечно же, не исключает романтической подоплеку этого брака. Политическим результатом брака стал поход Феодосия в западные провинции. Максим повторил судьбу первого мужа Юстины Магненция. Войска Максима, находившиеся под командованием его брата Марцеллина, были разгромлены Феодосием в битвах при Сисции и Поэтовиионе (Pan. Lat. II (XII) 34–35; Amb. Epist. XL. 23). Затем Максим был предан собственными солдатами, схвачен Феодосием в Аквилее и казнен (Socr. Schol. HE V. 14). Панегирист Латин Пакал Дрепаний славословит Феодосия как «отца принцепса Гонория, мстителя за принцепса Грациана и спасителя принцепса Валентиниана» (Pan. Lat. II (XII) 47. 5). Вскоре у Феодосия и Галлы родилось несколько детей, которые почти все умерли во младенчестве, кроме единственной выжившей дочери. Этой дочерью и была Галла Плацидия.

Галла Плацидия была еще ребенком, когда умерли ее родители. Сперва девочка потеряла мать Галлу, скончавшуюся от родов в 394 г. (Zos. IV. 57. 3), перед выступлением Феодосия в новый поход на Запад против узурпатора Евгения и его покровителя

Арбогаста. А в 395 г. в мир иной отошел и сам император, в последний раз на несколько месяцев связавший единоличной властью Римскую империю. Согласно агиографической легенде, перед кончиной император призвал детей, Галлу Пладидию и Гонория, и поручил заботу о них еп. Амвросию Медиоланскому (Amb. De obitu Theod. 34; Paul Nol. 32). После смерти Феодосия империя была разделена: западные провинции достались бездарному Гонорию (395–423), а восточные — столь же недалекому Аркадию (395–408), которому, впрочем, весьма повезло с женьбой. Аркадий заключил брак с прекрасной и свободолюбивой дочерью франкского военачальника Баутона, находившегося на римской службе, Элией Евдоксией. Арианский церковный историк Филосторгий подчеркивает, что этой императрице была чужда вялость ее мужа, но что она обладала отвагой, в немалой степени свойственной варварам (Philost. HE XI. 6). Гонорий и Аркадий были сыновьями Феодосия от первого брака и, соответственно, единокровными братьями Галлы Пладиции.

Юные годы Галлы Пладиции протекали в Равенне, новой столице Западной Римской империи, в период фактического правления вандалского военачальника Стилихона. Как сообщает Олимпиодор, Стилихон был женат на любимой племяннице Феодосия Серене (Olymp. Fragm. 2) и играл роль регента при неопытном Гонории. Гонорий последовательно женился на двух дочерях Стилихона, Марии и Ферманции (Olymp. Fragm. 2), но не имел наследников. Прокопий Кесарийский создал колоритный портрет юного императора, поражающий вопиющим убожеством изображенного государя и, вероятно, заимствованный из истории Приска Панийского, ибо в отличие от Олимпиодора, по словам Фотия, не отличавшегося изысканностью стиля и образов, Приск Панийский был прекрасным писателем и вполне сознательно подражал Фукидиду [Козлов, 2015, 152–166]. Как сообщает Прокопий, когда Гонорий получил в Равенне известие о гибели Рима, он взволнованно возразил евнуху, который заведовал императорским птичником, что это невозможно, ибо он только что покормил его. Успокоился император только после того, как евнух объяснил ему, что погиб Вечный город, взятый Аларихом, а не любимый петух императора по имени Рим (Procop. BV I. 2. 25). Ничтожные и трусливые сыновья Феодосия являли собой полную противоположность плеяде императоров предыдущего IV в., каждый из которых, начиная от Диоклетиана, Константина и других тетрархов, и заканчивая самим Феодосием, был в первую очередь полевым командиром и достиг престола благодаря воинской доблести. Политическая карьера Стилихона была в значительной степени следствием ничемности Гонория и Аркадия.

Трагическая история правления Стилихона достаточно подробно отражена в источниках, прежде всего в сочинениях поэта Клавдиана, императорских законах из Кодекса Феодосия и в истории Зосима, который следовал повествованию Евнапия. С объективной точки зрения, Стилихон стремился к укреплению государства и даже к воссоединению обеих половин империи под личным протекторатом [Hughes, 2010, 44]. Однако германец, повелевавший римскими императорами и нанимающий на службу гуннов и аланов, вызывал неприязнь в сенатских и даже военных кругах несмотря на то, что Стилихон зарекомендовал себя как талантливый полководец. Раздел Римской империи пагубно отразился на состоянии ее армии. Западная Римская империя встала на путь распада: в Северной Африке бушевало восстание Гильдона (395–398), Италии угрожали визиготские короли Радагайс (405) (Olymp. Fragm. 9; Oros. VII. 37) и Аларих. Как сообщают Ренат Профутур Фригерид в изложении Григория Турского и Идаций, аланские цари Респендиал (Respendial = Ρησπινδίαλος от авест. Spəntodāta?) и Аддак (Addac) [PLRE 1980: 8, 940; Waszak, 2016, 72–77] вместе с вандалами и свевами нанесли поражение франкам, в 406 г. прорвали Рейнскую границу Западной Римской империи, а затем вторглись в Галлию и Испанию (Greg. Tur. HF II. 9; Hyd. Lem. LXVIII (a. d. 418)).

Аланы, по-видимому, возглавляли вандалские кочевые объединения силингов и асдингов. Еще до вторжения гуннов в южнорусские степи европейские аланы, вероятно, уже доминировали над носителями черняховской культуры, т. е. над готами.

Это доминирование засвидетельствовано Евсевием Кесарийским в рассказе о восстании готов, поднятом при Константине с целью свергнуть господство сарматов (Euseb. VC IV. 5–6), и оно запечатлелось в общегерманской эпической традиции. Об этом доминировании свидетельствует инкорпорирование легенды об асах и Асгарде в корпус средневековых скандинавских саг, в частности, в *Ynglinga saga*, записанную в XIII в. исландским скальдом Снорри Стурлусоном (1178–1241) [Снорри Стурлусон, 1980, 4]. Доминирование аланов в германской кочевой среде сохранялось и позднее, примером чему служит вандалский племенной союз. Неслучайно в Испании после бегства узурпатора Константа (Soz. HE IX. 12) именно аланы захватили наиболее обширные территории Иберийского полуострова по сравнению с территориями, которые достались силингам и асдингам. Аланы удерживали эти территории вплоть до гибели своего царя Аддака в битве с визиготами в 418 г. (Isid. Hisp. HG 22) и своего последующего вынужденного подчинения асдингам (Гензериху) [Bachrach, 1973, 51–59; Кулаковский, 2000, 81–122; Кузнецов, Пудовин, 1961, 79–95].

Как пишет Созомен, в 407 г. солдаты британских легионов последовательно провозгласили двух императоров: Марка, а затем Грациана. После убийства последней власть в Британии захватил простой легионер, объявивший себя императором Константином III (Soz. HE IX. 11). Как отмечает Прокопий, этот Константин собрал флот, высадился в Галлии и захватил несчастную провинцию, а затем с помощью своего флота утвердился в Испании (Procop. BV I. 2. 31).

Эти драматические события мало тревожили жизнь равеннского двора. Желая укрепить свои связи с императорской фамилией, Стилихон еще в 400 г. убедил жену Серену объявить о помолвке восьмилетней Галлы Плацидии с их 11-летним сыном Евхерием. Возможно, Стилихон догадывался о неспособности Гонория произвести наследника и надеялся, что преемником этого императора станет именно Евхерий, который сможет вновь объединить две половины империи. Очевидно, эта помолвка не учитывала личных симпатий Галлы Плацидии, которая прохладно относилась как к новоиспеченному жениху, так и к Серене, при дворе которой она воспитывалась. Поэтому после падения Стилихона и его убийства Олимпиєм (22 августа 408 г.) Галла Плацидия, еще совсем юная девушка, утвердила смертный приговор Серене (Zos. V. 38. 1), вынесенный сенатом по обвинению в измене, желая таким образом отомстить воспитательнице за свои подростковые обиды. Как отмечает Олимпиодор, римляне удавили Серену, ибо видели в ней причину нападения Алариха на Рим (Olymp. Fragm. 6). Вскоре по приказу Гонория был зарезан и отвергнутый жених Галлы Плацидии юный Евхерий, который предназначался своим отцом в преемники Аркадию. Как отмечает Филосторгий, Евхерий скрывался в некоем священном убежище, вероятно, в небольшом монастыре, что, впрочем, его не спасло (Philost. HE XII. 3). Тогда король визиготов Аларих, связанный со Стилихоном клятвой дружбы, объявил себя мстителем за него, вторгся в Италию и начал поход на Рим. Дальнейшие драматические события, свидетельницей которых стала Галла Плацидия, кратко изложены Прокопием, который мог опираться в своем изложении на сочинение Олимпиодора. И хотя Олимпиодор уделяет некоторое внимание судьбе Галлы Плацидии после взятия Рима Аларихом, Прокопий обходит нашу героиню стороной, как бы приберегая для читателя рассказ о ней на будущее.

Наступление Алариха на Рим с формальной точки зрения было мстостью за убийство Стилихона. В действительности же Аларих стремился реализовать свою давнюю мечту и утвердиться в Италии. Единственным препятствием на пути реализации этой мечты Алариха был сам Стилихон, который нуждался в Аларихе для защиты Иллирика от восточных римлян (Zos. V. 27) и который теперь неожиданно исчез с политического олимпа (Olymp. Fragm. 3). При этом Аларих совершенно не опасался вмешательства в конфликт на стороне Гонория восточных римлян, ибо деятельная императрица Элия Евдоксия, знаменитая благодаря похвалам Филосторгия (Philost. HE XI. 6) и обличениям Иоанна Златоуста, умерла еще в 404 г., а в 408 г. умер ее муж император Аркадий. Малолетние дети Аркадия и Элии Евдоксии — Пульхерия,

Феодосий и младшие дочери — оказались на попечении префекта Анфемия, который исправно исполнял свои обязанности до 414 г., но не обладал ни талантами стратега, ни храбростью солдата.

Согласно Созомену, в 408 г. восточноримская Фракия подверглась нашествию гуннов из орды Ульдина/Ульдиса (Οὐλδης) [PLRE, 1980, II, 1180] и подвластных гуннам скиров, которые форсировали Дунай и начали разорять балканские провинции империи (Soz. HE IX. 5. 1–5; CTh V. 6. 3). Ульдин, некогда отправивший засоленную голову готского военачальника Гайны в подарок императору Аркадию, чувствовал себя политическим кредитором восточноримского двора и теперь хотел взыскать причитающееся. Гуннская конница, красочно описанная Аммианом Марцеллином, господствовала в южнорусских степях и в Придунавье со второй половины 370-х гг. (Amm. Marc. XXXI. 3. 1–8), что было связано со спецификой степного военного искусства. Гунны принесли с собой из Центральной Азии особые традиции военного дела, в частности технику стрельбы из дальнобойного лука с косяными накладками [Никонов, 2002, 223–317; Казанский, 2020, 90–167 (101); Kazanski, 2012, 193–199, 287–296]. Завоевание аланов и их включение в гуннский племенной союз в начале 370-х гг. обеспечило гуннам быстрое продвижение по степям Северного Причерноморья на Запад, что сперва привело к гибели Германариха и завоеванию гуннами Баламбера готов гревтунгов Винитария (традиционная дата — 375 г.), а затем в 376 г. к разгрому гуннами на берегах Днестра готов-тервингов Атанариха [Дзиговский, 2012, 439–449]. Как отмечают В. П. Никонов и М. Б. Шукин, эти события нашли отражение не только в позднеантичной историографии, но и в древнегерманской эпической традиции, которая повлияла на сюжеты и персонажей средневековых скандинавских саг (Hervarar saga) [Никонов, 2002, 239, сн. 16; Шукин, 2005, 207–234]. При этом военные победы гуннов не привели к появлению в степях Северного Причерноморья крупной кочевой империи, которая напоминала бы государство Юэбань, созданное хунну в Средней Азии, или более поздние кочевые державы кидаритов и эфталитов в Тохаристане. М. М. Казанский и А. В. Мастыкова справедливо отмечают, что в первые десятилетия V в. гунны не сформировали никакого политического единства, а делились на три орды: Харатона и Доната в Северной Таврии (европейские гунны Маркиана), и Ульдиса на дунайской границе Римской империи (альмидзуры/альпидзуры Приска Панийского) [Казанский, Мастыкова 2009, 114–126].

В 408 г. восточноримская армия с большим трудом нанесла поражение гуннам Ульдиса, многие из которых предпочли затем перейти на римскую службу. Из-за постоянной гуннской угрозы командование восточноримской армии вынуждено было держать на Дунае значительные силы, что сковывало военную активность Восточной Римской империи на западном направлении. Существует мнение, в соответствии с которым в действительности Анфемий был даже заинтересован в нападении Алариха на Италию, ибо таким образом появлялась возможность удаления визиготов из Иллирика, который оставался после 395 г. спорной территорией и представлял собой для константинопольского правительства предмет особых воцелений.

Аларих трижды пытался взять Рим: в 408 г., в 409 г. и в конце августа 410 г., когда его предприятие наконец увенчалось успехом. Гонорий, в сущности, оставил Вечный город на произвол судьбы, отчаявшееся население ужасно страдало во время непрерывных осад, и в городе начался каннибализм (Philost. HE XII. 3; Olymp. Fragm. 4; Procop. BV I. 2). По свидетельству Филосторгия, еще до появления Алариха в Лации дружинники, верные Стилахону и возмущенные его убийством, вероятно — гунны и вандалы, совершили поход на Рим, разорили окрестности Вечного города и захватили Остию. Это обстоятельство существенно облегчило Алариху его задачу, так как римские городские власти лишились возможности снабжать жителей хлебом, который привозили на кораблях из Карфагена и разгружали в Остии. Римляне, отчаявшиеся в своем спасении, пригласили этрусских гаруспиков и вновь начали совершать языческие жертвоприношения в надежде на помощь древних богов (Soz. HE IX. 6). Осадив Рим, Аларих заставил сенат провозгласить императором городского

префекта Приска Аттала, а Гонория объявить низложенным (Philost. HE XII. 3). Аттал получил эллинское, т. е. языческое, воспитание, и поэтому язычники в известной степени надеялись на то, что новый император возродит древнюю религию, в то время как ариане уповали, что Аттал, как ставленник визиготов, крещенный арианским епископом Синисарием, восстановит господство арианства, как было во времена Констанция II и Валента (Soz. HE IX. 9). Согласно Прокопию, Италия и, в частности, области вдоль побережья Адриатического моря после нашествия визиготов обезлюдели настолько, что не смогли восстановить местные города и предвоенную численность населения даже к началу Готской войны, которую инициировал Юстиниан I (527–565), т. е. к 535 г. (Procop. BV I. 2. 11–12).

Прокопий сообщает две версии взятия Рима визиготами 24 августа 410 г. Согласно первой, Аларих решил имитировать отступление и одновременно передать в дар римским гражданам молодых рабов, которые должны были сыграть роль троянского коня. Римляне приняли рабов, думая, что визиготы уходят из-под стен Вечного города, а ночью рабы открыли Саларийские ворота и впустили войско визиготов. Согласно второй, ворота Рима были открыты Алариху по повелению знатной римлянки Пробы, которая более не могла наблюдать страдания жителей, умиравших голодной смертью. Визиготы сожгли городские кварталы, примыкавшие к Саларийским воротам, в частности дом Саллюстия, разграбили весь город и перебили большинство его жителей (Procop. BV I. 2. 14–24). Исидор Севильский, визиготский хронист VII в., сообщает, что Аларих как христианин, пусть даже и арианин, отдал приказ своим воинам щадить *vasa sacra* и церкви, оберегать христианских девственниц, и заявил: «я веду войну с римлянами, а не с Божьими апостолами» (*cum romanis gessi bellum, non cum apostolis Dei* (Isid. HG 16)). Вряд ли возможно доверять этому сообщению столь позднего историка, как Исидор, который к тому же выступал при дворе толедских королей в качестве проповедника визиготской национальной идеи и в силу данного обстоятельства был заинтересован в оправдании Алариха. Более правдивую картину взятия Рима визиготами создают современники Филосторгий и Олимпиодор, а также следовавший повествованию Олимпиодора Прокопий. Они сообщают о повальной резне и разрушениях в городе. Как отмечает Олимпиодор, Аларих вывез из Рима неисчислимое количество денег, а также знатную пленницу, которой оказалась Галла Плацидия (Olymp. Fragm. 3). О пленении Галлы Плацидии сообщает также Исидор Севильский, опирающийся на современные Галле Плацидии латинские источники (*Gothi Placidiam Theodosii principis imperatoris filiam, Arcadii et Honorii imperatorum sororem, cum ingenti auri argentine thesauro Romae capiunt* (Isid. HG 18)).

Несмотря на то что, согласно Зосиму (Zos. VI. 12), Галла Плацидия пользовалась в ставке Алариха почетом, подобающим ее положению, и считалась ценной заложницей, пленение дочери императора Феодосия и сестры двух римских императоров Гонория и Аркадия безродным варварским вождем было страшным ударом по имперскому патриотизму римлян. За век до этих событий Евсевий Кесарийский, описывая войны тетрархов в начале IV в., рассказывал историю знатной римской матроны — христианки, супруги сенатора и городского префекта, которая стала объектом воцелений принцепса Максенция (306–312). Максенций прислал преторианцев, которые должны были с согласия мужа доставить красавицу во дворец, где предавался разврату принцепс. Женщина предупредила преторианцев, что хочет украсить себя перед свиданием, удалилась в свой будуар и бросилась на меч (Euseb. HE VIII. 14. 16–17; Euseb. VC I. 34). Этот душещипательный рассказ был, по мнению Т. Барнса, лишь одним из фрагментов придворной пропаганды Константина, который после 324 г. сочинял свою собственную историю тетрархии, и в этой истории противникам Константина отводилась весьма незавидная роль [Barnes, 2014, 5]. В устах Евсевия, заинтересованного в прославлении Константина через диффамацию его противников, рассказ о сластолюбии Максенция приобретает характер литературной новеллы, отсылающей образованных читателей к истории добродетельной Лукреции и царя Тарквиния Гордого (Tit. Liv. I. 57–58; Dion. Halic. IV. 64–67; Ovid. Fast. II. 721–834; Aur. Vict. De

vir. illust. IX). Таким образом, Максенций был представлен Евсевием не только как гонитель христиан, но и как новый Тарквиний — иноземец и насильник над чьстью римлян. Теперь же, спустя лишь полвека с небольшим после кончины Евсевия, римская благородная девушка (nobilissima puella) действительно оказалась во власти варваров и еретиков, которые теперь безнаказанно грабили Вечный город и насильовали римских пленниц (Soz. HE IX. 10).

Дальнейшая биография Галлы Плацидии восстанавливается преимущественно на основании сведений Филосторгия, Олимпиодора и Зосима. После взятия Рима Аларих начал поход на Равенну с целью низложения Гонория, но был разбит небольшим отрядом гуннов в пятьсот всадников (Soz. HE IX. 9), преданных Гонорию, которые находились под командованием гота Сара, кровного врага Алариха. После этого поражения Аларих отступил, около Аримина (Римини) заставил Аттала отречься от престола из-за происков патриция Иовиана, который прежде предлагал Атталу от имени Гонория разделить Западную Римскую империю. Как говорили римляне, Аттал после этого стал частным человеком при дворе Алариха (Philost. HE XII. 3; Olymp. Fragm. 13). Вскоре Аларих попытался безуспешно переправиться через Мессинский пролив и вторгнуться на Сицилию (Olymp. Fragm. 15), а затем умер во время разорения Кампании (Philost. HE XII. 3). Преемником Алариха стал Атаульф, при котором и содержалась в качестве пленницы Галла Плацидия. Атаульф принял решение отступить в Галлию (Procop. BV. I. 2. 37), где в это время воцарилась настоящая анархия.

Спустя год после падения Рима Константин III (407–411) был осажден в Арелате (Арль) военачальниками Гонория Вульфиллой и Констанцием. По Созомену, на помощь Константину поспешило войско Эвдовиха, состоявшее из франков и аламаннов, но Эвдових был разбит и вскоре убит местным латифундистом по имени Эвдикий, который принес голову Эвдовиха на блюде военачальникам Гонория (Soz. HE IX. 14). Желая спасти свою жизнь, Константин рукопожился во пресвитера у местного епископа. Однако несмотря на этот отчаянный шаг Константин и его сын Юлиан были схвачены, доставлены в северную Италию и казнены в тридцати милях от Равенны по приказу Гонория, в качестве мести за убийство в Испании племянников императора. В это время в Испании магистр милиций Геронтий, назначенный Константином III командующим римскими войсками на Иберийском полуострове, восстал против другого сына Константина III — Константа II (410–411), правившего там. Геронтий захватил бежавшего Константа во Вьенне и казнил его, а императором провозгласил своего сына Максима, который был увенчан диадемой в Тарраконе. Но войска Гонория начали успешное наступление против Геронтия. Под давлением этих обстоятельств испанские солдаты Геронтия восстали против него, возмущенные суровой дисциплиной — вероятно, старинными римскими военными законами, которые Геронтий насаждал в своих ауксулиях. Геронтий укрылся в доме и держал там оборону вместе с преданным аланом (возможно, небольшим аланским отрядом), уложив, согласно Созомену, до трехсот неприятельских воинов (Soz. HE IX. 13). Однако численный перевес был на стороне мятежников. Дом, где укрылся Геронтий, был подожжен, и Геронтий, подражая древним римлянам, сперва отрубил голову преданному алану, затем заколол свою жену, чтобы они не попали в руки неприятелю, и, наконец, сам бросился на меч (Olymp. Fragm. 16). Созомен называет имя жены Геронтия: Ноннихия, и добавляет, что она была христианкой и умоляла мужа заколоть ее мечом, чтобы ей не попасть к мятежникам и не стать жертвой насилия (Soz. HE IX. 13).

Тем временем солдаты, стоявшие в провинции Германия Первая, при содействии аланского царя Гоара и короля бургундов Гинтиария провозгласили в Могунтиаке (Майнце) императором некоего Иовина, на службу которому собирался перейти победитель Алариха и Аттала готский военачальник Сар во главе 18- или 20-тысячного войска, возможно, состоявшего из гуннских и аланских наемников. Но Атаульф перерезал дорогу Сару, атаковал его с десяти тысячной визиготской армией и разбил, причем Сар погиб в бою. Как отмечает Олимпиодор, Сар был взят в плен при помощи арканов (σόκκος), а затем задушен (Olymp. Fragm. 17). В. П. Никоноров предполагает,

что захватить Сара могли гуннские наемники, служившие Атаульфу, ибо присутствие гуннов в войске Атаульфа засвидетельствовано Зосимом (Zos. V. 37. 1), а искусство метания аркана у гуннов — Созоменом (Soz. HE VII. 26. 8); [Никонов, 2002, 288]. Вскоре Иовин провозгласил своего брата Себастиана августом и соправителем, но Атаульф дал Гонорию обещание принести головы обоих узурпаторов, что вскоре исполнил (Olymp. Fragm. 19; Oros. VII. 42).

Вероятно, к периоду узурпации Иовина, а точнее к 412 г., относится западноримское посольство, отправленное Гонорием к гуннам, точнее — в орду, во главе которой находился некий Донат (Donatus) [PLRE, 1980, II, 376]. Олимпиодор лично принимал участие в этом посольстве, и нам остается лишь сожалеть о том, что подробный рассказ Олимпиодора об этом дипломатическом путешествии до нас не дошел. Таким образом, именно Олимпиодор, а не Приск стал первым римским посланником, который побывал в шатрах гуннских вождей. Олимпиодор отмечает превосходное владение гуннами техникой стрельбы из лука (традиционным атрибутом гуннской знати), а также рассказывает о своем полном опасностях путешествии по Черному морю к устью Днепра, где, вероятнее всего, и располагалась орда Доната (Olymp. Fragm. 18). Впрочем, имя Донат — латинское, из-за чего В. П. Никонов высказывает сомнение, а был ли его носитель в действительности этническим гунном [Никонов, 2002, 234, сн. 8]. Возможно, Донат носил какое-то гуннское имя, просто созвучное латинскому, вследствие чего римские посланники, в частности Олимпиодор, назвали его более привычным образом. Или же Донат на самом деле был представителем романизированной варварской аристократии, остроготской или аланской, находился в зависимости от гуннов, что предопределило причисление его самого и его орды к гуннам в римских дипломатических отчетах. Как отмечает М. М. Казанский, романизированная аристократия восточногерманских и сарматских племен Бессарабии и Прикарпаття, подчинившаяся гуннам Баламбера в середине 370-х гг. (Iord. Getica 247), нередко отличалась значительным политическим влиянием и высоким имущественным благосостоянием [Казанский, 2014, 28–51 (39)]. Это обстоятельство может теоретически объяснять дипломатические контакты Равеннского двора и местных династов. Вероятнее всего, в задачи Олимпиодора входил набор наемников, в первую очередь аланских и гуннских, ибо правительство Гонория в условиях распада традиционных римских военных институтов в западных провинциях как никогда нуждалось в крупных соединениях конницы для борьбы как с визиготами, так и с многочисленными узурпаторами в Галлии и Испании.

Последующее повествование Олимпиодора слишком кратко, чтобы делать определенные выводы как о дальнейшей участи Доната, так и о результатах посольства. Но сообщение историка об убийстве Доната вопреки данной ему клятве позволяет до определенной степени реконструировать реальную обстановку. По-видимому, Донат был не слишком сговорчив на переговорах с посланниками Гонория, ибо вскоре этот гуннский вождь вопреки данной ему (очевидно, членами посольства) клятве был предательски убит, вероятно — заранее подкупленными гуннами. Харатон (Charaton), первый из гуннских вождей (ὁ τῶν ῥηθῶν πρῶτος) [PLRE, 1980, II, 283], был разгневан этим убийством, но затем быстро успокоился под влиянием римских подарков. Возможно, Харатон был господином Доната, его «сеньором», и возглавлял в тот момент гуннскую племенную конфедерацию. Гнев Харатона на римлян из-за убийства Доната позволяет допустить, что он прекрасно понимал, кем были истинные убийцы Доната и почему они решились на такой вероломный шаг. Но дружба с римлянами и дары оказались для Харатона важнее, чем жизнь слишком высокопоставленного данника. Не исключено, что история удачного убийства Доната и последующего подкупа Харатона впоследствии подтолкнула восточных римлян, точнее евнуха Хрисафия, к организации провалившегося покушения на Аттилу и была хорошо известна Приску Панийскому (Латышев, 1890, I, 815).

Галла Пладиция бессильно наблюдала за распадом Западной Римской империи, вероятно, будучи в это время наложницей Атаульфа и сопровождая визиготскую

кавалерию в ее походах по Нарбоннской Галлии. Как сообщает Олимпиодор, Констанций, военачальник Гонория, неоднократно требовал от Атаульфа вернуть свободу Галле Плацидии в обмен на поставки пшеницы, но король удерживал дочь Феодосия не только как ценную заложницу, но и как любимую женщину. Гонорий и Констанций не могли удовлетворять все более и более суровым требованиям визиготского короля, связанным с поставками пшеницы, и требовали сперва отдать им пленницу. При осаде Массилии (Марселя) Атаульф был тяжело ранен стрелой римским офицером по имени Бонифаций, позднее снискавшим себе славу, и не добился успеха (Olymp. Fragm. 20–22). Возможно, эта неудача подтолкнула Атаульфа к мысли о необходимости заключения брака с Галлой Плацидией для формирования родственных связей с императорской династией. Согласно Филосторгию, Атаульф расстался со своей первой женой-сарматкой (Philost. HE XII. 4) и в январе 414 г., в Нарбонне, сыграл свадьбу с Галлой Плацидией в доме некоего декуриона Ингения (Olymp. Fragm. 24). Олимпиодор сохранил красочное описание торжества, которое позволяет допустить, что к этому времени между женихом и невестой существовали подлинные глубокие чувства.

В чертоге, убранном в римском вкусе, с царским великолепием, восседала на первом месте Галла Плацидия. Атаульф сидел вместе с ней, в плаще и прочей римской одежде. Сверх других брачных даров Атаульф подарил своей новой супруге 50 рабов в шелковых одеждах. Каждый из них держал в руках по два больших миссория. Одни из миссориев наполнены были золотом, другие — драгоценными или, лучше сказать, бесценными камнями, награбленными в Риме готами во время взятия ими Вечного города. Знатные дамы ослепляли присутствующих диадемами, колтами, гривнами, браслетами и другими украшениями, выполненными в радующем глаз полихромном стиле, который стал очень модным при дворах различных варварских королей в гуннскую эпоху [Засецкая, 1994, 50–75]. Потом пропеты были эпиталамии в честь новобрачных. Бывший император Аттал пел первым, за ним — Рустикий и Фибадий. Брак совершился среди игр и веселья варваров и бывших с ними римлян. Можно сказать, что благодаря Галле Плацидии двор Атаульфа превратился в место культурного синтеза римского и восточногерманского образа жизни. После рождения у новобрачных сына, названного Феодосием в честь отца Галлы Плацидии, Атаульф начал все более склоняться к союзу с римлянами и поощрять стремление своей жены оказывать культурное влияние на визиготскую знать. К сожалению, Феодосий вскоре скончался (415) и был похоронен под Барселоной, что вызвало великую скорбь родителей.

Через некоторое время Атаульф пал жертвой заговора и был убит на конюшне неким Дувием, который мстил за своего казненного Атаульфом господина. Перед смертью Атаульф завещал выдать Галлу Плацидию римлянам, вероятно, понимая, что ей будет трудно сохранить свое прежнее положение при визиготском дворе. Новым королем был избран брат Сара Сингерих, один из представителей консервативной или, иначе говоря, визиготской национальной партии. Первым делом он перебил детей Атаульфа от первого брака с сарматской княжной, несмотря на заступничество еп. Сигисара, а Галлу Плацидию унижил, заставив идти пешком в колонне пленников перед своей лошадейю на протяжении 12 римских миль от Барселоны (Olymp. Fragm. 26). Через неделю Сингерих был убит заговорщиками, и новый король визиготов Валия продолжил курс Атаульфа на союз с Римом, который постепенно восстанавливался после нашествия Алариха. Валия отдал Галлу Плацидию магистру Эвплутию, присланному Гонорием, в обмен на 600 тыс. мер пшеницы (Olymp. Fragm. 31) (415 г.). Вскоре Валия вторгся в Испанию в качестве федерата империи и нанес сокрушительное поражение аланам и силингам. Царь аланов Аддак был убит, а уцелевшая часть аланов была вынуждена подчиниться асдингам и уйти из Испании в Северную Африку вместе с Гензерихом (Alanos qui vandalis et suevis potentabantur adeo cecidit ut extincto Atace rege ipsorum pauci qui superferuerant oblito regni nomine Gunderici regis vandalorum qui in Gallecia resederat se regimini subiugarent (Isid. Hisp. HG 22)).

Примерно в 417 г. Гонорий выдал Галлу Пластидию вопреки ее воле замуж за консула Констанция, которому он был обязан спасением своего трона во время гражданской войны в Галлии (Honorius Gallam Placidiam germanam suam Constantio suo comiti fide integerrimo et ingenti uiro iam dudum promissam magno cunctorum gaudio sociavit (Paul. Diac. HR XIII. 3)). Вскоре Констанций был объявлен императором и соправителем Гонория, в то время как статус Галлы Пластидии, по-видимому, не изменился и на нее титул мужа не распространялся. В этом ненавистном браке Галла Пластидия родила дочь Юсту Грату Гонорию, впоследствии знаменитую своими скандальными отношениями с Атилией, и Валентиниана III, будущего императора Западной Римской империи. Валентиниан получил по настоянию Галлы Пластидии титул нобелиссима (Olymp. Fragm. 34). Жизнь Галлы Пластидии с Констанцием складывалась сложно. Олимпиодор свидетельствует о том, что Констанций, некогда щедрый и энергичный римский офицер, воевавший бок о бок вместе с Феодосием, после брака с Галлой Пластидией заплыл жиром, превратился в скрягу и в довершение ко всему увлекся чародейством. В Равенну, где тогда располагался императорский двор, прибыл маг Либаний из Малой Азии. О Либании распускали слухи, что он может бороться с варварами своим колдовством. Узнав о маге, Галла Пластидия, преданная христианству, приказала убить его, а мужу угрожала разводом в том случае, если бы он воспрепятствовал проведению экзекуции (Olymp. Fragm. 38).

Как отмечает В. П. Никоноров, идея борьбы с врагами на поле боя с помощью магии была широко распространена у кочевников евразийских степей и была связана с шаманизмом. В частности, известно, что гуннские наемники, служившие в армии римского военачальника Литория в 439 г., перед битвой с визиготами в районе Тулузы, занимались камланием и гаданием (Prosp. Chron. 1335; Isid. Hisp. HG 24; Paul. Diac. HR XIII. 13). Во время гражданской войны 514 г. гуннские федераты Виталиана при помощи колдовства насылали мгла на солдат императора Анастасия I (491–518) (Ioan. Antioh. Fragm. 214). Во второй половине VI в. авары использовали колдунов для создания наваждений, ослепивших франкских воинов (Greg. Tur. HF IV. 29). В 589 г. перед битвой при Герате тюркские колдуны пытались вызвать вихрь и дождь и обрушить их на войска Бахрама Чубина, что было впоследствии красочно описано Фирдоуси (Фирдоуси, 1989, 274); [Никоноров, 2002, 272–273]. Наконец, значительно позднее средневековый хан Боняк, предводитель половецкой орды Бурчевичей, упомянутый Анной Комниной на страницах «Алексиады», был не только ханом, т.е. военным вождем этой орды, но также и шаманом, волхвом, который периодически занимался камланием в степи. «И яко бысть полуночи и встав Боняк отъеха от рати и почта выти волчьски и отвыся ему волк и начата мнози волци выти» (ПСРЛ, 1962, II, 245), — так описывает религиозные практики Боняка древнерусский летописец [Плетнева, 1978, 174–180; Плетнева, 2010, 52–77]. Возможно, интерес Констанция к магии и приглашение Либания следует рассматривать в контексте общекультурной варваризации позднеримского двора и, в частности, в свете проявлений в западноримской военной среде гуннского влияния.

Однако уже очень скоро фортуна Галлы Пластидии вновь совершила крутой поворот. В начале сентября 421 г. умер Констанций, и наша героиня овдовела во второй раз. Первое время отношения между Галлой Пластидией и ее братом Гонорием были очень теплыми, даже чересчур теплыми. Олимпиодор сообщает, что при дворе поползли слухи о кровосмесительной связи брата и сестры из-за чрезмерной привязанности Гонория к Галле Пластидии и из-за поцелуев в уста, которые они якобы совершали. Опасавшиеся за свою императрицу ее служанка Спадуса и кормилица Эльпидия вступили в сговор с управляющим имениями императрицы Леонтием и посредством интриги, сведения о которой не сохранились, смогли поссорить свою подопечную и подозрительного Гонория (Olymp. Fragm. 40). Возможно, императора просто стала раздражать независимость, с которой держалась при равенском дворе Галла Пластидия. Кроме того, согласно Олимпиодору, множество варваров: гуннских наемников и германских букеллариев, квартировавших в Равенне, боготворило свою

императрицу, которая могла общаться с солдатами не только на латыни, но и на готском языке, который распространился среди варваров — федератов империи, в качестве *lingua franca*. Солдаты видели в Галле Плацидии не просто августу, но вдову двух блистательных полководцев своего времени. Опасаясь военного мятежа, Гонорий принял решение отослать Галлу Плацидию и ее детей в Константинополь, ко двору юного императора Феодосия II (*Placidia Augusta a fratre Honorio pulsa ad Orientem cum Honoria et Valentiniano filiis profecta a Theodosio Augusto, Archadii alterius germani sui filio, honorifice libenterque suscepta est* (Paul. Diac. HR XIII. 7)). Феодосий II в это время царствовал, но не правил, оставив ведение государственных дел своей талантливой сестре императрице Пульхерии. По верному замечанию британской исследовательницы Ады Титджен, Галла Плацидия удостоилась в Константинополе теплого приема с подобающим ей уважением и радушием [Teetgen, 1907, 119], и этот прием был оказан Пульхерией тетушке в расчете на то, что со временем Галла Плацидия будет чувствовать себя обязанной племяннице, и когда бездарный и большой Гонорий уйдет в небытие, тогда дочь Феодосия сможет проводить свою политику в Равенне в интересах Константинополя. Через короткое время, в августе 423 г., Гонорий умер от водянки, а солдаты при содействии Аэция и Кастина провозгласили в Риме императором примицерия нотариев, гота Иоанна [PLRE, 1980, II, 594–595], власть которого немедленно признали в Галлии, Италии и Испании (Olymp. 41; Socr. Schol. HE VII. 23). Верность Галле Плацидии как законной наследнице Феодосия сохранял лишь комит Африки Бонифаций, который по словам Олимпиодора посылал ей из Африки деньги и старался служить во всем остальном (Olymp. Fragm. 40–41). С этого времени начинается новая глава политической биографии Галлы Плацидии, связанная с ее родным городом Константинополем, которая представляла собой интерес не только для современников императрицы, но и для Прокопия Кесарийского.

Императрица Пульхерия, управлявшая Восточной Римской империей за своего аполитичного брата Феодосия II (408–450), вступилась за несчастную тетушку и начала военное вторжение в Италию. Во главе восточноримской армии, которая должна была восстановить на престоле Галлу Плацидию и ее маленького сына Валентиниана III, находились лучшие полководцы, которыми располагала тогда Пульхерия, а именно магистр Ардабур и его знаменитый сын Аспар, а также Кандидиан (Olymp. Fragm. 46). Галла Плацидия сопровождала войско, которое должно было возвратить ей императорскую диадему, до Фессалоник.

Война Галлы Плацидии и Пульхерии против Иоанна, разыгравшаяся в кон. 424 — нач. 425 г., представляет собой малоизвестную военную кампанию, которая продолжала военно-политическую стратегию Феодосия I, направленную на удержание западных провинций Римской империи в сфере влияния Константинополя при помощи сохранения на престоле сперва в Медиолане, а позднее в Равенне родственников правящей династии. Для Пульхерии более приемлемым было видеть в Равенне собственную тетушку, чем безродного выскочку, подобно тому как дед Пульхерии и отец Галлы Плацидии предпочитал видеть на престоле в Медиолане свою тещу Юстину и ее сына Валентиниана II, а не чужака Максима. Очевидно, что подобная династическая стратегия предполагала разрыв с традиционной римской меритократией, культивировавшейся при Диоклетиане, и уже предвосхищала будущие политические реалии феодального мира. Как сообщает Олимпиодор, в Фессалониках Галла Плацидия была официально провозглашена августой, римской императрицей, маленький Валентиниан III стал цезарем и был облачен магистром официий Илионом в императорскую порфиру, а во главе восточноримской армии был поставлен опытный военачальник, вероятно аланского происхождения, магистр *praesentalis* Флавий Ардабур (Ardabur/Ardaburius) (Olymp. Fragm. 46).

Византийский историк 2-й пол. V в. Кандид определенно утверждает, что сын Ардабура Аспар по происхождению был аланом (*Ἀσπαρος... ὃς ἦν Ἀλανὸς μὲν γένος* (Cand. = Phot. Bibl. 79)). Следовательно, аланом был и сам Ардабур, который, таким образом, являлся выходцем из кочевой среды и был связан с поздней сарматской

аристократией, после 375 г. составившей органическую часть гуннской племенной конфедерации. Готский историк VI в. Иордан считал Аспара (и, следовательно, его отца Ардабура) готом (*Aspar Gothorum genere clarus* (Iord. *Get.* 239)). Но, как доказала О. В. Пржигодзкая, Иордан просто пересказал тенденциозные сведения Кассиодора, придворного историка готского короля Теодориха Амала (471–526), который был заинтересован в прославлении правящей у готов династии и поэтому причислял к готам выдающихся военачальников Восточной Римской империи, связанных с готской знатью посредством брачных союзов [Пржигодзкая, 2006, 103–108]. Сообщение Кандида об аланском происхождении Ардабура и Аспара вследствие этого обстоятельства заслуживает большего доверия. Биография Ардабура по-своему примечательна [PLRE, 1980, II, 137–138]: в его конвое (в качестве *domesticus*) вместе с сыном Аспаром служил будущий император Маркиан (459–457) (*Procop.* *BV I.* 4. 7; *Theoph.* *AM* 5943). В 421–423 гг. имя Ардабура гремело по всей Восточной Римской империи благодаря блистательной кампании против персов, которую провел этот военачальник в должности магистра *per Orientem*.

История римско-персидских отношений в V в. изучена недостаточно подробно по сравнению с историей этих отношений в предыдущем и в последующем столетиях. Отчасти это связано с дефицитом источников, а также с рядом обстоятельств, характерных для истории Сасанидского Ирана в этот период. Можно с уверенностью констатировать, что период правления шаха Йездигерда I (399/400–420/421), представленного арабо-персидской историографией (и, следовательно, авторами позднесасанидской *Khwadāy-Nāmāg*) в качестве тирана и вероотступника, с точки зрения развития римско-персидских отношений было относительно мирным. Йездигерд I боролся против персидской знати и зороастрийских мобедов и в этой борьбе пытался опираться на иранских христиан, в частности, на епископа Маруфу. Сократ Схоластик даже утверждает, что персидский царь чуть было не стал христианином, но просто не успел принять Крещение (*Socr. Schol.* *HE VII.* 8), так как пал жертвой государственного переворота. Отзвуки подобной политики Йездигерда I, миролюбивой по отношению к христианам и восточным римлянам, слышатся в рассказах Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского о том, как в 408 г. умиривший император Аркадий попросил персидского царя стать опекуном малолетнего Феодосия II (*Procop.* *BP I.* 2. 1–9; *Agath.* *IV.* 26). А. А. Васильев подчеркивал легендарный характер этой истории [Vasiliev, 1950, 265], однако само ее появление в персидском эпическом предании, которым пользовались Прокопий и Агафий, свидетельствует о радикальном противоречии западной политики Йездигерда I антиримской стратегии его предшественников, направленной на реставрацию державы Ахеменидов (*Herod.* *VI.* 2. 2; *VI.* 2. 6–7; *Amm. Marc.* *XVII.* 5. 5–6). Йездигерд I даже заключил в 413/414 гг. союзный договор с правительством Феодосия II о совместных действиях на Кавказе против гуннов (акациров). Все изменилось после гибели персидского царя, который, по легенде, пересказанной Фирдоуси, принял смерть от удара копытом «водяного коня» (Фирдоуси, 1984, 213–215). Очевидно, за этим мифическим сюжетом скрывается заговор персидской знати, возможно — созревший в армейской среде, ибо конь в парфянской и сасанидской литературе, а также в памятниках изобразительного искусства традиционно рассматривался как друг и соратник воина, примером чему служит Рахш Рустама в поэме Фирдоуси (Фирдоуси, 1960, 8–15). После смерти Йездигерда в Иране началась гражданская война, в ходе которой победу одержал второй сын покойного государя знаменитый Бахрам V Гур (420/421–440). По свидетельству Фирдоуси, Бахрам победил своих противников, опираясь на 30-тысячную арабскую конницу (Фирдоуси, 1984, 220–222). Дружба Бахрама с арабами повлияла на формирование зрительного образа этого персидского царя, которого часто представляли на предметах торевтики как арабского кочевника: охотящегося верхом на верблюде в сопровождении своей возлюбленной Азадэ. Новый персидский царь, связанный с арабскими шейхами, немедленно вернулся к антиримской политике времен первых Сасанидов и Шапура II (309–379) и начал войну против римлян.

Общий ход боевых действий этой кампании относительно подробно изложен в «Церковных историях» Сократа Схоластика и Феодорита Кирского, а также в «Хронографии» Иоанна Малалы, но очень кратко описан Прокопием Кесарийским [Greatrex, Lieu, 2005, 38–42]. Восстановление точной хронологии римско-персидской войны 421–423 гг. вызывает значительные затруднения из-за специфики основных источников. Как отмечает Феодорит, еп. Авда, предстоятель общины персидских христиан, еще в конце правления Йездигерда I разрушил зороастрийский храм огня. Персидский царь пытался заставить епископа восстановить храм огня, но еп. Авда отказался и был казнен (Theodor. HE V. 39). Вступивший на престол Бахрам Гур начал полномасштабные гонения на персидских христиан, многие из которых бежали в Константинополь к еп. Аттику и просили защиты. Бахрам потребовал от правительства Феодосия II, т.е. от императрицы Пульхерии, выдать беглецов, что, разумеется, было отвергнуто. Кроме гонений на христиан Бахрам отдал приказ удерживать в Персии нанятых римских золотоискателей и конфисковал товары римских купцов (Socr. Schol. HE VII. 18). Очевидно, персидский царь искал повода к войне и был уверен в победе, так как персы были прекрасно осведомлены как о разделе Римской империи, так и о затруднительном положении, в котором пребывали в это время западные провинции.

С другой стороны, к войне стремились сами римляне. Кеннет Холум на основании изучения монет аргументированно обосновал тезис о том, что война с персами, которую начала в 421 г. Пульхерия, представляла собой «крестовый поход». Целью этого «крестового похода» была как минимум официальная легализация персидского христианства, и, следовательно, падение власти зороастрийских мобедов, и так уже пошатнувшейся в эпоху правления Йездигерда I. Как отмечал исследователь, именно в нач. 420-х гг. появляются специфические золотые солиды Пульхерии с «длинным крестом» (*long-cross solidi*), которые следует интерпретировать как идеологическое свидетельство борьбы за крест против персов и гуннов, а также против узурпатора Иоанна [Holum, 1977, 153–172]. Известный барельеф из слоновой кости, хранящийся в ризнице Трирского собора и изображающий Пульхерию, встречающую процессию с мощами архидиака Стефана, возможно, был изготовлен как иллюстрация триумфа христианства и знак Божественного покровительства, оказываемого первомучеником императрице и Римской империи в период войны за христианскую веру [Holum, 1979, 113–133]. Несомненно, политику Пульхерии, направленную на оказание покровительства персидским христианам, следует рассматривать как продолжение восточной политики Константина Великого, ибо, по свидетельству Евсевия Кесарийского, Константин требовал от Шапура II прекратить преследования христиан в Иране (Euseb. VC IV. 9–13). Этим требованием восточная политика Константина не ограничивалась. Более того, император планировал завоевание Сасанидского Ирана, заранее назначив персидским царем в 335 г. своего племянника цезаря Ганнибалиана, а персидской царицей — свою дочь августу Константину (*Hannibalianum, data ei Constantina filia sua, regem regum et Ponticarum gentium constituit* (Anon. Val. I. 6. 35)), ту самую Константину, которую впоследствии называл «Мегерой в человеческом облике» (*Maegera quaedam mortalis*) Аммиан Марцелин (Amm. Marc. XIV. 1. 2).

По сообщению Сократа Схоластика, римляне сумели перехватить инициативу и атаковали первыми. Здесь в полной мере и проявились военные дарования Ардабура. Доблестный римский военачальник вторгся в Арзанену (*Արշնիք*), историческую область Армении, которая, в соответствии с разделом Армянского государства Аршакидов в 387 г., отошла к Сасанидскому Ирану. В Арзанене Ардабур разбил войско персидского военачальника Михр-Нарсе, который служил еще Йездигерду I в должности вузурга фрамадара (великого визиря в поздней традиции). Михр-Нарсе происходил из древнего парфянского рода Суренов, отпрыски которого прославились во время войн парфянских царей Фраата II (132–128/127 до Р. Х.) и Артабана I (128/127–124/123 до Р. Х.), против тохаров и сакских племен, сокрушивших Греко-Бактрийское царство (Юэчжи китайских хроник) [Olbrycht, 1998, 85–91; Tarn, 1938, 270–311; Dibvoise, 1937, 54–69; Дибвойз, 2008, 54–55], а также в битве при Каррах в 53 г. до Р. Х., где парфяне

разгромили армию Красса [Pourshariati, 2008, 64]. Как известно, персидская армия, особенно в раннесасанидскую эпоху, продолжала парфянские военные традиции, которые предполагали комбинированное применение тяжелой конницы — катафрактов и конных лучников, а также привлечение в войска контингентов из среднеазиатских кочевников [Никонов, 1995, 53–61; Никонов, 1987, 21–236; Хазанов, 1971, 64–90]. Вероятно, Ардабур одержал победу над Михр-Нарсе благодаря тому, что ему самому, выходцу из аланского аристократического рода, была прекрасно известна подобная тактика: римские клибанарии, организованные еще Констанцием II (337–361) по персидскому образцу (*catafracti equites quos clibanarios dictitant*) (Amm. Marc. XVI. 10. 8; Iulian. Orat. I. 29–30; Orat. III. 9; SHA Alex. LVI. 5), шли в бой под прикрытием гунских букеллариев Ардабура, т. е. конных лучников. В Арзанене Ардабур захватил множество персидских пленников, численность которых достигала семи тысяч (Socr. Schol. HE VII. 21). Как рассказывает Сократ Схоластик, эти пленники вскоре оказались на грани голодной смерти, но были выкуплены у римских солдат и спасены епископом Амиды Акакием, который переплавил для этой цели церковные сосуды. Поступок епископа произвел на Бахрама Гура столь сильное впечатление, что он якобы даже пригласил еп. Акакия посетить Ктесифон. Был ли еп. Акакий в Ктесифоне или нет, в действительности не столь важно, ибо милосердие епископа по отношению к пленным персам представляло собой яркий миссионерский жест, который продемонстрировал персидскому царю нравственную силу христианства. Милосердие еп. Акакия вполне соответствовало восприятию римлянами войны с персами в это время как войны за веру, во время которой важно демонстрировать не только воинскую доблесть, но и благородное отношение к противнику.

Одновременно Ардабур, вероятно, направил в Персармению (Περσική) конный отряд под командованием Анатолия (Procop. BP I. 2. 11–15). Прокопий в своем повествовании об этих событиях достаточно небрежно компилирует сведения Олимпиодора и Приска Панийского и вследствие этого смешивает события двух римско-персидских войн 421–423 и 440–442 гг. [Shahid, 2006, 25–40]. Прокопий рассказывает анекдот о том, как Анатолий, ехавший на переговоры с персидским царем без сопровождения, спешил и хотел приветствовать Бахрама Гура, а Бахрам, восхитившись смелостью и учтивостью римского военачальника, предпочел отступить, а затем заключил с ним перемирие. В действительности Бахрам, по-видимому, вообще не принимал участие в боевых действиях в Персармении, а рейд Анатолия если и имел место, то носил исключительно демонстрационный характер. Сообщение же о посольстве Анатолия к персам и о заключении перемирия, по-видимому, относится к событиям 440–442 гг., описанных Приском Панийским.

После победы над персами, одержанной в Арзанене, Ардабур успел предупредить маневр Михр-Нарсе, который планировал провести конный рейд с целью опустошения римской Месопотамии. Вступив в пограничную крепость Нисибис, окрестности которой были ареной кровопролитных боев в 340-х гг., в период войны между Констанцием II и Шапуром II, Михр-Нарсе отправил Ардабуру посланника и потребовал назначить заранее место и время генерального сражения. Римский полководец отвечал персидскому посланнику: «Объявите Михр-Нарсе, что римские императоры идут в бой не тогда, когда желаешь ты» (Ἀλαγγείλατε... Ἰνὰρσαίῳ οὐχ ὅτε σὺ θέλεις πολέμησούσι Ῥωμαίων βασιλεῖς (Socr. Schol. HE VII. 18)). Затем, по сообщению нашего единственного источника — Сократа Схоластика, Пульхерия прислала Ардабуру подкрепления, после чего римский военачальник начал осаду Нисибиса, а римские гелепопы наносили большой урон персидским воинам, сражавшимся на стенах. Ардабур проявлял в этой кампании чудеса храбрости, в частности, он заманил в засаду семь крупных персидских конных отрядов, шедших на помощь осажденному Нисибису, и перебил их вместе с их командирами. Бахрам Гур отправил на помощь Михр-Нарсе новую армию с целью деблокирования Нисибиса и заключил договор с арабским вождем Аль-Мундхиром (418–461), правителем Аль-Хираха из династии Лахмидов, для совместной борьбы против римлян. По-видимому, Бахрам Гур решил

использовать свои старые связи с арабскими вождями, которые помогли ему захватить престол в Иране. Далее изложение Сократа Схоластика приобретает сбивчивый характер. Историк сообщает о том, что храбрый арабский вождь привел на помощь персам тысячи арабских конников и, подобно Шапуру I (240/241–271/272), намеревался начать поход на Антиохию. Однако неожиданно на арабов напал иррациональный страх, они начали бросаться в доспехах и вооружении в Евфрат, где утонуло до 10 тысяч арабских воинов. А затем римляне, осаждавшие Нисибис, также поддавшись страху из-за приближения к городу войск Бахрама Гура с боевыми слонами, сожгли гелеполы и прочие осадные машины и отступили на римскую территорию.

По всей вероятности, Сократ Схоластик достаточно произвольно сократил отчет о персидской кампании 421–422 гг., который содержался в сочинениях Олимпиодора или Приска. Ниже Сократ упоминает, что римский военачальник Вициан (Vitianus) [PLRE, 1980, II, 1178] разбил остатки арабского войска, что дает нам основание предполагать следующее: арабы Аль-Мундхира действительно начали поход на Антиохию, но были неожиданно атакованы и разгромлены в верхнем течении Евфрата римской конницей Вициана, которая была перебросена Пульхерией на помощь Ардабуру [Shahid, 2006, 29–32]. Последующее отступление Ардабура из-под Нисибиса было, по всей видимости, связано не с успехами персов, и не с присутствием в войске Бахрама Гура боевых слонов, а с осложнением внешнеполитической обстановки на северных границах Восточной Римской империи. В 422 г. новый вождь гуннов Руа (Ροῦα у Приска) или иначе Руга (Ροῦγας у Сократа Схоластика), брат Мундиуха и Окгара и дядя Аттилы (Iord. Get. 180) [PLRE, 1980, II, 951] форсировал Дунай, атаковал диоцезы Дакии и Фракии и заставил правительство Пульхерии перебрасывать войска на северную границу. Возможно, отступление Ардабура из-под Нисибиса было связано именно с этими обстоятельствами. В итоге Константинопольское правительство было вынуждено выплачивать Руе и его гуннам ежегодную дань, достигавшую суммы в 350 фунтов золота [Sinor, 1990, 186–187]. Восточная Римская империя была не в состоянии воевать на два фронта.

Незначительные римские войска, оставленные на Востоке для того, чтобы прикрывать границу, были доверены патрицию Прокопию (Socr. Schol. HE VII. 20; Ioan. Mal. 285. 67). Как сообщает Сократ, в это время между римлянами и персами начались мирные переговоры. Но Бахрам Гур, желавший укрепить свои позиции успехами на фронте в преддверии этих переговоров, приказал арестовать римского посланника Максимиана и стал готовиться к новому сражению. Отборный персидский конный корпус «бессмертных» устроил засаду одному из римских конных отрядов, но Прокопий быстро пришел на помощь терпящим бедствие соратникам и разбил персов. По всей вероятности, именно в этом бою комит федератов Флавий Ариобинд (Ariobindus), по происхождению гот [PLRE, 1980, II, 145], находившийся под командованием Прокопия, сразил в конном поединке (среднеперс. *mard o mard*) персидского аристократа Ардадзана, служившего в корпусе «бессмертных» (Socr. Schol. HE VII. 18. 25; Ioan. Mal. 285. 72–78; Theoph. AM 5997; Georg. Cedr. I. 599). По свидетельству Малалы, Ариобинд всегда носил при себе аркан «по готскому обычаю». Во время поединка с персом он уклонился от удара неприятельского копья, накинул на перса аркан, стащил его с коня, а затем заколол [Никонов, 2002, 289].

Ирфан Шахид связывает эпизод с конным поединком между Ариобиндом и Ардадзаном с осадой персами Феодосиополя (Эрзурума), которую начал Бахрам Гур, вероятно, вскоре после того, как Ардабур был отозван с театра боевых действий [Shahid, 2006, 33–34]. Феодорит отмечает, что при обороне Феодосиополя, длившейся более 30 дней, отличился местный епископ Евномий, который лично руководил боевой работой римской крепостной артиллерии. Сама же осада происходила примерно в начале войны римлян с гуннами на Дунае (Theodor. HE V. 37. 6–10). Вскоре римляне и персы все-таки заключили мир (Socr. Schol. HE VII. 20; Georg. Cedr. I. 599).

Несмотря на затруднения, вызванные нападением гуннов Руи на дунайскую границу, война против Бахрама Гура продемонстрировала военные таланты Ардабура

и высокую степень боеспособности армии Восточной Римской империи. Стремительность маневра Ардабура, его успешное противостояние первоклассной персидской коннице, смелые рейды по тылам неприятеля заставляют признать, что ядро его армии составляли не разложившиеся римские пехотные легионы, неспособные победить в современной войне³, а крупные кавалерийские соединения, укомплектованные отрядами гуннских, аланских, остроготских букеллариев из Паннонии и южнорусских степей. Эти соединения, очевидно, составляли основу армии Ардабура и в период италийской кампании против Иоанна.

Выше уже было отмечено, что годы, проведенные у визиготов сперва в качестве пленницы и заложницы, а затем в качестве королевы, способствовали тому, что Галла Плацидия выучила готский язык и познакомилась с варварскими обычаями. Это обстоятельство позволяло ей разговаривать с варварами-федератами на понятном им языке, снискать популярность среди визиготских, гуннских, аланских солдат, служивших Равеннскому двору. Возможно, поэтому проницательная Пульхерия назначила командующим италийской экспедиционной армией Ардабура, военачальника варварского происхождения, аланского аристократа, который быстро подпал под обаяние Галлы Плацидии и был готов исполнить любой приказ этой прекрасной императрицы. Вероятно, в период пребывания Галлы Плацидии в Фессалониках у нее созрел смелый план, реализовать который вызвался пылкий Ардабур. План этот был вдохновлен легендой об Аларихе, известной нам благодаря Прокопию, а Галле Плацидии — благодаря самому визиготскому королю.

Как уже отмечалось, Прокопий образно и ярко, возможно, не без влияния сюжета «Энеиды», рассказывает о том, как Аларих отправил в осажденный Рим «троянского коня» — группу молодых рабов, которые были даром мужественным жителям Вечно-го города, а сам стал готовиться к притворному отступлению. Обрадованные римляне ослабили бдительность, а засланные рабы ночью открыли Саларийские ворота визиготской коннице. Галла Плацидия переработала стратегию Алариха, и в результате, как рассказывает Олимпиодор, опытный полководец Ардабур после успешной высадки своей армии в Италии... как безусый новобранец был пойман солдатами Иоанна, доставлен в Равенну и стал «другом» (!) узурпатора. Галла Плацидия и Аспар, сын Ардабура, якобы были объаты горем, но Кандидиан заменил Ардабура и нанес войскам Иоанна ряд поражений. А далее историк вдруг сообщает о том, что тиран (Иоанн) был неожиданно убит, после чего Галла Плацидия вместе с сыном, цезарем Валентинианом III, вступила в Равенну. Повествование Олимпиодора в выдержках Фотия оставляет странные смысловые провалы, логические лакуны, восстановить которые нам помогает Прокопий. Прокопий, вероятно, дополняет исходный текст Олимпиодора какими-то сведениями Приска. Историк дает весьма положительную характеристику Иоанну и его правлению (заимствование из Приска?), а далее сообщает, что Валентиниан III, захвативший Иоанна живым, отдал приказ предать его мучительной казни в мае 425 г. Несчастливого узурпатора отвезли на ипподром в Аквилею, где отсекли ему руку, возили на осле, подвергали поношениям и издевательствам черни, после чего обезглавили. Ардабур, ставший в плену «другом» узурпатора, разумеется, никак не пострадал (Просор. BV I. 3. 6–9).

В высшей степени сомнительно, чтобы Валентиниан III, родившийся летом 419 г. и, по словам Прокопия, отданный на воспитание в Константинополь, ко двору Феодосия II, будучи недавно отнятым от груди кормилицы, в неполные шесть лет захватывал узурпатора, отдавал приказы солдатам Аспара и обрекал на смерть своего взрослого предшественника. Очевидно, Прокопий, подобно Приску имитирующий

³ Это в полной мере продемонстрировали поход Юлиана Отступника (361–363) на Ктесифон (363), закончившийся поражением и гибелью этого императора [Банников, 2021, 264–296], и, конечно же, битва при Адрианополе (378), в ходе которой гунно-аланская конница Алафея и Сафрака вместе с небольшими конными соединениями готской знати прорвала фронт римской пехоты и разгромила легионы императора Валента (364–375), который пал в этом сражении [Schukin, Shuvalov, 2007, 233–253; Банников, 2013, 174–183].

литературный стиль Фукидида, стремился создать образ жестокого и капризного тирана, и поэтому заменил именем Валентиниана имя его грозной матери, отдавшей приказ о казни Иоанна в рассказе Приска и в действительности. Галла Плацидия уже имела опыт утверждения смертных приговоров, и память об участии Серены еще была жива среди тех жителей Рима, которые уцелели в ходе визиготского нашествия. Вероятнее всего, Галла Плацидия смогла в полной мере реализовать свой план (стратегему) по захвату Иоанна. В соответствии с этим планом Ардабур преднамеренно сдался солдатам Иоанна, направив свой корабль во время ненастья прямо в гавань Равенны (Socr. Schol. HE VII. 23). Затем Ардабур втерся в доверие к Иоанну, притворился его сторонником или же пообещал посредничество на переговорах с Галлой Плацидией, после чего подбил к мятежу солдат равеннского гарнизона: гуннов и аланов, которые боготворили свою императрицу и не желали служить готу Иоанну (Niceph. Call. HE XIV. 7). Солдаты восстали, арестовали Иоанна и выдали его Галле Плацидии, открыв перед ней ворота Равенны.

Императрица захватила узурпатора при помощи Ардабура, блистательно повторив в видоизмененном варианте стратегему Алариха и Одиссея, и в благодарность отдала город на разграбление солдатам, как принимавшим участие в восстании, так и вступившим в город под командованием Аспара. Косвенное подтверждение подобному развитию событий можно обнаружить в рассказе Сократа Схоластика, который сообщает, что ангел Божий в виде пастуха вел войско Аспара по болотам, расположенным вокруг Равенны, яко посуху, чтобы спасти доблестного Ардабура из плена, причем, когда солдаты Аспара подошли к стенам Равенны, то по странному стечению обстоятельств городские ворота оказались открыты (Socr. Schol. HE VII. 23). Если ворота были открыты, следовательно, их кто-то заранее открыл, и, учитывая кровожадность аланских букеллариев Аспара, вряд ли этим неизвестным привратником был ангел Господень. Пытаясь представить Ардабура невинной жертвой, Сократ Схоластик пишет о том, что Иоанн шантажировал Феодосия II (на самом деле он должен был шантажировать Пульхерию, ибо, как уже было сказано, Феодосий II в делах управления участия не принимал) и требовал признания своего императорского титула в обмен на сохранение жизни Ардабуру. Это сообщение противоречит сведениям Олимпиодора, который свидетельствует, что в плену Ардабур стал «другом» Иоанна. В отличие от Сократа Схоластика Олимпиодор был в это время вхож в дипломатические круги обеих империй, поэтому его информация заслуживает большего доверия.

Сократ Схоластик и коптский епископ VII в. Иоанн Никиусский, хроника которого сохранилась в более позднем древнеэфиопском переводе, упоминают, что вождь задунайских гуннов Руа (геэз. Rhoïlos) пришел на помощь узурпатору Иоанну и вновь атаковал фракийские диоцезы Восточной Римской империи в тот момент, когда Ардабур и Аспар высадились в Италии, т. е. примерно зимой 424–425 гг., когда гуннская конница могла переправиться через Дунай по льду (Socr. Schol. HE VII. 43; Zotenberg, 1883, 344). Но по молитвам Феодосия II и, согласно Иоанну Никиусскому, по молитвам еп. Прокла Господь поразил гуннского вождя ударом молнии, и Руа тем самым разделил судьбу императора Марка Аврелия Кара (282–283) под стенами Ктесифона (SHA Carus, Carinus et Numerianus VIII. 2). Гунны, находившиеся под командованием Руи, по Сократу, были истреблены эпидемией, а по Иоанну Никиусскому – уничтожены огнем, сошедшим с небес. Очевидно, Руа был ранен в битве, возможно, он был поражен горящей стрелой, пущенной римским конным лучником, что породило легенду о молнии. После этого дезорганизованная орда гуннов начала отступление и понесла серьезные потери от начавшейся эпидемии. Однако слухи о гибели Руи были преувеличены; он еще не раз угрожал римлянам в 433 и 435/440 гг. и впоследствии, по словам Приска, завоевал амилдзуров, итимаров, тоносуров и боисков, придунайских кочевников, пришедших в Восточную Европу вместе с гуннами Баламбера и искавших защиты у римлян (Латышев, 1890, I, 810–811).

Биографические экскурсы, посвященные Олимпиодором Галле Плацидии, заставляют признать, что императрица была одним из основных героев истории этого

автора. Подобное обстоятельство не должно вызывать удивления. Олимпиодор был свидетелем того, как яркая красавица, побывавшая в плену у визиготов, прекрасно говорившая не только на латыни, но также по-гречески и по-готски, успевшая похоронить сына Феодосия, побывавшая визиготской королевой и римской августой, соединившая, таким образом, в своем лице два абсолютно антагонистических миропорядка, не просто вернулась на родину, в Константинополь, но вернулась с тем, чтобы получить помощь своей племянницы императрицы Пульхерии и отвоевать затем престол Западной империи у узурпатора. Галла Пластидия сочетала в себе врожденный римский аристократизм и приобретенное германское свободолюбие. Не каждая римская императрица могла похвастаться такой биографией. Дошедшие до нас фрагменты истории Олимпиодора заканчиваются рассмотренным выше сообщением о победе над Иоанном, кратким описанием вступления Галлы Пластидии в Равенну и облачения Валентиниана III в императорские одежды.

Дальнейшие события, связанные с самостоятельным царствованием Галлы Пластидии в Западной Римской империи, ее отношениями с Пульхерией и Феодосием II, были, вероятно, описаны в утраченных частях истории Приска Панийского, известных Прокопию. Именно из сочинения Приска Прокопий заимствовал, в частности, знаменитую историю интриг «последнего римлянина» Аэция при дворе Галлы Пластидии, в результате которых императрица отозвала в Равенну своего преданного сторонника Бонифация, комита domestikов и Африки (Procop. BV I. 3. 14–36); [PLRE, 1980, 237–240]. Бонифаций, опасаясь репрессий, поднял мятеж, разбил карательную экспедицию магистра обеих милиций Феликса, посланную против него из Италии, и, желая гарантировать свое положение, в 428/429 гг. призвал из Испании в Африку вандалов асдингов и аланов Гензериха и Гунтариса. Очевидно, Бонифаций не желал для себя судьбы Домиция Александра, африканского узурпатора времен тетрархии [Ps. Aur. Vict. XL. 6], но намеревался только произвести впечатление на Галлу Пластидию и Аэция. Однако Гензерих, который, по словам Прокопия, «прекрасно знал военное дело и был необыкновенным человеком» (Γιζήριχος δὲ τὰ τε πολέμια ὡς ἄριστα ἐξήσκητο καὶ δεινότητος ἦν ἀνθρώπων ἀπάντων (Procop. BV I. 3. 24)), переправился через Гибралтарский пролив во главе 80-тысячного войска вандалов асдингов и аланов в мае 429 г., совершил форсированный марш через пустыню и менее чем за год захватил все африканское побережье от Тингиса до Карфагена. В руках у римлян оставались только Цирт и сам Карфаген. Быстрота продвижения Гензериха свидетельствует о том, что значительная часть его войск представляла собой конницу, привычную к кочевому образу жизни. Следовательно, количество аланов в составе племенного союза асдингов оставалось в это время весьма значительным, ибо, по свидетельству Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XVII. 12. 2), сарматские племена, и аланы не были здесь исключением, обладали многовековыми традициями конных военных набегов, к которым, без сомнения, приобщили асдингов [Симоненко, 2009, 252–253]. Гензерих атаковал Бонифация. Бонифаций держал оборону в Гиппоне-Регии при полном бездействии Галлы Пластидии и Валентиниана III. В результате летом 431 г. доблестный комит Африки сдал город Гензериху, а сам отбыл в Италию, где уже разгоралась гражданская война между его сторонниками и сторонниками Аэция. В 431 г. Пульхерия прислала на помощь терпящей бедствие провинции восточноримский экспедиционный корпус под командованием Аспара, сына Ардабура [PLRE, 1980, 164–169]. Однако в начале 432 г. Аспар потерпел поражение от Гензериха (Procop. BV I. 4. 12), и в 435 г. кровопролитная кампания завершилась мирным соглашением, по которому Гензерих получил права федерата империи и разрешение расселиться в Северной Африке в обмен на выплату символического налога. Именно в ходе этой военной кампании в плен к вандалам попал будущий император и супруг Пульхерии Маркиан, который, по легенде, рассказанной Прокопием, уже тогда был отмечен судьбой как будущий автократор: горный орел, слетевший с гор Атласа, простирал над головой Маркиана свои крылья и защищал его от палящего африканского солнца (Procop. BV I. 4. 1–10).

Несколько лет спустя, 19 октября 439 г., Гензерих неожиданно захватил Карфаген и весь римский флот, стоявший на рейде. Казалось, теперь возвращались грозные времена Пунических войн, ибо вновь, как и в древности, Карфаген превратился в логово отчаянных врагов Рима. Вандало-аланский флот разорил побережье южной Италии и Сицилии, а к 442 г. Сицилия была полностью захвачена Гензерихом. Галла Пластиция была не в состоянии повлиять на эти события из-за тяжелого положения Римского государства. Императрица вынуждена была на склоне лет противостоять собственному бездарному сыну Валентиниану III и Аэцию. Возможно, знаменитая история обручения дочери Галлы Пластидии, августы Юсты Граты Гонории, с Атилией, грозным царем гуннов, рассказанная Приском Панийским (Prisc. Fragm. 15–16; Ioan. Antioch. Fragm. 199. 2), была связана с этим противостоянием.

Я полагаю, что нет никаких серьезных оснований ставить под сомнение историчность обручения Гонории с Атилией, ибо подобное обручение, при всей его внешней экстравагантности, отвечало жизненным и политическим интересам обеих сторон, его заключивших [King, 2019, 97–114]. В 449 г. глупый и жестокий Валентиниан III расправился с несчастным любовником своей сестры Гонории Евгением, а сама Гонория была отослана ко двору Пульхерии в Константинополь, откуда она в следующем 450 г. отправила свое знаменитое послание и перстень Атилле, предлагая себя в жены гуннскому вождю. Брак с Атилией сулил Гонории неслыханные политические перспективы, ибо с помощью гуннов она могла надеяться силой вернуть себе родительский престол и свергнуть бездарного брата. Атила был заинтересован в этом браке не меньше Гонории, а быть может, даже и больше, ибо женитьба на римской императрице позволяла Атилле в перспективе объединить гуннскую державу и Западную Римскую империю, хотя бы на некоторое время. Не исключено, что за дерзким поступком молодой девушки стояла Пульхерия, которая не желала мириться с униженным положением Галлы Пластидии в Равенне и намеревалась свергнуть диктатуру Аэция в Западной Римской империи руками Атиллы, одновременно благоразумно удаляя орды Атиллы от границ Восточной Римской империи в Галлию и Италию. Галла Пластиция, очевидно, не могла оказать на поведение дочери никакого влияния, ибо отошла в мир иной в Риме 27 ноября 450 г., в тот самый год, когда состоялось заочное обручение Гонории с Атилией. Прокопий оставил о кончине великой императрицы лишь краткое упоминание (Procop. BV I. 4. 15).

Исследование политической биографии Галлы Пластидии в освещении Прокония и его предполагаемых источников позволяет нам сделать ряд выводов, имеющих важное значение для понимания эволюции позднеимперского общества и государства. Как справедливо отмечала Г. Е. Лебедева, феномен женского суверенного правления, характерный для династии Феодосия, в определенной степени был продолжением тенденции предшествующего периода, обозначившейся еще в эпоху правления династии Константина Великого⁴. Флавия Елена и Фауста, затем Евсевия и Юстина были императрицами, которые явным образом стремились к власти и оказывали серьезное влияние на политические процессы в эпоху тетрархии и домината. Однако именно в период правления династии Феодосия наследницы этого императора, Галла Пластиция и Пульхерия, на определенном этапе добились практически единоличной власти в Римском государстве. С нашей точки зрения, подобная политическая практика, которая вроде бы противоречила патриархальным принципам римского права, имеет два объяснения.

Во-первых, германизация римской армии, начавшаяся при Константине и достигшая своего апогея при Феодосии, естественным образом привела к распространению при римском дворе варварских (и далеко не только германских) военно-политических традиций. Галла Пластиция многие годы находилась в плену у визиготов и даже стала визиготской королевой, женой короля Атаульфа. Ее любимый безвременно ушедший

⁴ Г. Е. Лебедева аргументировала данный вывод в своем лекционном курсе «Проблемы перехода от античности к Средним векам», который, к сожалению, не издан.

сын Феодосий, рожденный от Атаульфа, носил титул визиготского принца. Мать Пульхерии императрица Элия Евдоксия была дочерью франкского военачальника Баутона и распоряжалась церковными и государственными делами в соответствии с теми своеобразными принципами, которые нашли отражение в произведениях германской эпической традиции в образах Брунхильды, Климхильды или Гудрун. При восточноримском дворе в эпоху Пульхерии высшая военная знать состояла из офицеров аланского и готского происхождения. Аланы Ардабур и Аспар, готы Гайна и Ариобинд следовали социально-политическим моделям женского правления, сформировавшимся еще в древней сарматской кочевой среде [Граков, 1947, 100–121; Смирнов, 1964, 200–205]. В отличие от этнических римлян они рассматривали свою *августу* не как жену или сестру императора, а как полновластную госпожу, с которой они как букелларии были связаны клятвой верности вне зависимости от ее положения в императорской фамилии.

Во-вторых, утверждение христианства способствовало усилению политического влияния предательницы императорской династии, которые в силу своего общественного положения обладали конкретным историческим и агиографическим образцом для подражания. Этот образец заключался в личности августы Флавии Елены, которая была в известном смысле канонизирована уже Евсевием Кесарийским. Елена, в юные годы промышлявшая гетерой в таверне своего отца (Zosim. II. 8. 9), ставшая затем конкубиной будущего тетрарха Констанция Хлора (Euseb. Chron. 310), завершила свой жизненный путь римской августой, матерью Константина Великого. Она обрела Древо Животворящего Креста и низвергла свою невестку Фаусту, которая оставалась язычницей [Woods, 1998, 70–86; Rocco, 2013, 243–260]. Она раздавала донативы солдатам, строила христианские церкви и фактически управляла восточными провинциями, захваченными в 324 г. у Лициния (Euseb. VC III. 44–47). Похвалы благочестия Галлы Плацидии и Пульхерии, которые можно обнаружить у Созомена и Сократа Схоластика, представляли собой панегирики, *ipso facto* уподоблявшие этих императриц Елене, а следовательно, дававшие им санкцию на участие в политической борьбе, признававшие их доминат. Неизвестно, в какой степени Олимпиодор и Приск осознавали и описывали этот культурно-политический феномен. Возможно, что эти историки, будучи язычниками, в отличие от Созомена или Сократа не чувствовали в полной мере новые тенденции времени и предпочитали описывать современные им политические реалии в категориях классической, ушедшей в прошлое литературной традиции. Прокопий Кесарийский сумел преодолеть влияние своих предшественников только в своем наиболее спорном произведении, в «Тайной истории», описывая образ императрицы Феодоры так, как, вероятно, описывали Елену язычники Аммиан Марцеллин, Евнапий и позднее Зосим. Образ императрицы Феодоры в сочинении Прокопия призван был показать несоответствие реальной августы христианскому идеалу римской государыни, созданному Евсевием. Возможно, этим обстоятельством и объясняется поразительная лаконичность, а временами даже анонимность, с которой описывает Прокопий деяния Галлы Плацидии.

Политическая деятельность Галлы Плацидии происходила в эпоху гегемонии гуннов в Восточной Европе, и, хотя гуннские наемники были постоянным источником пополнения западноримской армии, однако стремление тех или иных гуннских вождей к политической консолидации их орд представляло собой реальную опасность как для Галлы Плацидии, так и для Пульхерии. В 408 г. удар гуннов Ульдина/Ульдиса по балканским провинциям Восточной Римской империи, очевидно, помешал правительству Анфемия оказать помощь императору Гонорию в борьбе против усилившегося Алариха или же был использован Анфемием только как предлог для невмешательства в италийские дела. В 422 г. аналогичное наступление гуннов Руи на балканские провинции спасло персов, осажденных в Нисибисе, а возможно не только гарнизон Нисибиса, но и самого Бахрама Гура от сокрушительного поражения в войне с римлянами. В 425 г. новая атака Руи на Балканах преследовала цель сорвать успешные боевые действия восточноримской армии в Италии против узурпатора Иоанна. Несмотря

на молчание Прокопия об этих событиях, а также на краткость сведений Сократа Схоластика и Иоанна Никиусского, я предполагаю, что поддержка гуннами Иоанна и поход Руи были напрямую связаны с дипломатической активностью сасанидского двора. Бахрам Гур, потерпевший поражение от войск Пульхерии в ходе войны 421–423 гг., дважды пытался руками гуннов Руи помешать успешным действиям воинов Ардабура и Аспара, сперва в Месопотамии, а потом в Италии. Ибо возвращение Галлы П्लाцидии на престол в Равенну и новое объединение Римского государства под властью одной династии было чрезвычайно невыгодно Сасанидскому Ирану, который был вынужден вести в это же самое время тяжелую борьбу с гуннами кидаритами в Тохаристане и Средней Азии [Рауне, 2015, 286]. Таким образом, противостояние Галлы П्लाцидии и Иоанна, представленное Прокопием как мелкий эпизод борьбы за власть в разваливающейся Западной Римской империи, в более широком контексте «крестового похода» Пульхерии против персов Бахрама Гура и гуннов Руи приобретает характер особого и чрезвычайно важного театра военных действий.

Серьезный анализ повествования Олимпиодора о ходе италийской кампании Ардабура и Аспара свидетельствует о том, что Иоанн потерпел поражение из-за военной хитрости, автором которой были Галла П्लाцидия и Арбадур. Вспоминая Алариха, Галла П्लाцидия отправила Иоанну в Равенну «троянского коня», самого Ардабура, который притворился «другом» Иоанна, сумел поднять восстание городского гарнизона против узурпатора и открыл ворота западноримской столицы войскам своего сына Аспара, служившим Галле П्लाцидии и Пульхерии.

Источники и литература

Источники

1. Латышев (1890) — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. 1890. Т. I.
2. ПСРЛ (1962) — Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962.
3. Снорри Стурлусон (1980) — *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. Сага об Инглингах / Пер. М. И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1980.
4. Фирдоуси (1960) — Фирдоуси. Шахнаме. От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути; комм. А. А. Старикова. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. Фирдоуси (1984) — *Фирдоуси.* Шахнаме. От начала царствования Искендера до начала царствования Йездгерда, сына Бехрама Гура / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути; комм. А. А. Старикова. М.: Изд-во АН СССР, 1984.
6. Фирдоуси (1989) — *Фирдоуси.* Шахнаме. От начала царствования Йездгерда, сына Бехрама Гура до конца книги / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути; комм. А. А. Старикова. М.: Изд-во АН СССР, 1989.
7. Agath. — *Agathiae Myrinaei Historiarum Libri Quinque* / Hrsg. v. R. Keydell. (CFHB 2). Berlin: De Gruyter, 1967.
8. Amm. Marc. — *Ammiani Marcellini Res Gestae* / Hrsg. von V. Gardthausen. Vol. I–II. Leipzig, 1874.
9. Anon. Val. — *Valesianus Anonymus. Origo Constantini* / Hrsg. v. I. König. (Trierer historische Forschungen XI). Trier: THF, 1987.
10. Aur. Vict. — *Sexti Aurelii Victoris Opera* / Hrsg. v. F. Pichlmayr. Leipzig, 1911.
11. CJ — *Codex Iustinianus* / Hrsg. v. P. Krueger. Berlin, Weidmann, 1906.
12. Cons. Const. — *Consularia Constantinopolitana* / Hrsg. v. Th. Mommsen // *Chronica Minora saec. IV–VII.* Berlin, 1892. Vol. I.

13. Chron. A. 354 — Chronographus anni CCCLIV / Hrsg. v. Th. Mommsen // *Chronica Minora saec. IV–VII*. Berlin, 1892. Vol. I.
14. CTh — Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Hrsg. v. Th. Mommsen und P. Meyer. Vier Teilbände. Berlin, 1905.
15. Euseb. Chron. — Eusebii Pamphili Chronicon interprete Hieronymo / Ed. par J. P. Migne // *Patrologia Latina*. Paris, 1866. Vol. XXVII.
16. Euseb. HE; VC — Eusebii Pamphili Opera Omnia: Historia Ecclesiastica; Vita Constantini / Ed. par J.-P. Migne // *Patrologia Graeca*. Paris, 1857. Vol. XX, XXI, XXIV.
17. Eutr. — Eutropi Breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis / Hrsg. v. H. Droysen // *Auctores antiquissimi*. Berlin, 1879. Bd. 2.
18. Fest. — Festi Breviarium Rerum Gestarum Populi Romani (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum) / Hrsg. v. C. Wagener. Leipzig; Prague, 1886.
19. Georg. Cedr. — Georgii Cedreni Ioannis Scylitzae ope suppletus et emendatus / Hrsg. von I. Bekker. Bonn, 1839. Vol. I, II.
20. Greg. Tur. — Gregorii Turonensis Opera. Teil 1: Libri historiarum X / Hrsg. v. B. Krusch, W. Levison // *Scriptores rerum Merovingicarum*. Hannover, 1937. Bd. 1, 1.
21. Herod. — Herodiani Regnum post Marcum / Hrsg. v. C. M. Lucarini. Muenchen; Leipzig, 2005.
22. Hyd. Lem. — Hydatius: Continuatio Chronicorum Hieronymianorum / Hrsg. v. Th. Mommsen. *Auctores antiquissimi*. Bd. 11: *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. (II)*. Berlin, 1894.
23. Ioan. Antioch. — Ioannis Antiochensis Fragmenta quae supersunt omnia / Hrsg. v. S. Mariev. (CFHB 47). Berlin; New York: De Gryuter, 2008.
24. Ioan. Mal. — Ioannis Malalae Chronographia / Hrsg. v. I. Thurn. (CFHB 35). Berlin; New York: De Gryuter, 2000.
25. Ioan. Zon. — Ioannis Zonarae Annales / Hrsg. von Th. Buettner-Wobst. *Libri XIII–XVIII*. Bonn, 1897.
26. Iord. — Iordanis Romana et Getica / Hrsg. v. Th. Mommsen. Berlin, 1882.
27. Iulian. — L'Empereur Julien. Oeuvres complètes. Discours de Julien César (I–V) / Ed. par J. Bidez. Paris: Les Belles Lettres, 2019.
28. Isid. Hisp. — Isidori Hispaliensis Historia De Regibus Gothorum. Wandalorum Et Suevorum (Historia Gothorum) / Ed. par J.-P. Migne // *Patrologia Latina*. Paris, 1844. Vol. LXXXIII.
29. Niceph. Call. HE — Nicephori Callisti Xanthopuli ecclesiasticae historiae libri XVIII / Ed. par J.-P. Migne // *Patrologia Graeca*. Paris, 1865. Vol. CXLVI.
30. Олимп. — *Олимпиодор Фиванский*. История / Пер. и комм. Е. Ч. Скржинской; под ред. П. В. Шувалова. СПб.: Алетейя, 1999.
31. Oros. — Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII accedit eiusdem liber apologeticus (= Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. B. 5) / Hrsg. v. Karl Zangemeister. Wien: Gerold, 1882.
32. Pan. Lat. — Panegyriques latins / Ed. par Éd. Galletier. Paris: Les Belles Lettres, 1949, 1952, 1955. Vol. I–III.
33. Paul. Diac. — Pauli Diaconi Historia Romana in usum scholarum. Berlin: Weidmann, 1879.
34. Petr. Patr. — Petri Patricii Fragmenta // *Corpus scriptorum Historiae Byzantinae*. Barthold Georg Niebuhr I: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis, historiarum reliquiae, Procopii et Prisciani panegyrici, graece et latine. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829.
35. Philost. — Philostorgius. Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. v. J. Bidez. Leipzig, 1913.
36. Phot. Bibl. — Photii Bibliotheca / Ed. par J.-P. Migne // *Patrologia Graeca*. Paris, 1860. Vol. CIII.
37. Procop. — Procopii Caesariensis Opera Omnia / Hrsg. v. J. Haury. Leipzig: Teubner, 1905–1913. Vol. I–IV.
38. Prosp. Aquit. — Prosperi Aquitanensis Chronicon. *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII* / Hrsg. v. Theodor Mommsen. MGH Auct. Ant. 9. Berlin 1892
39. Ps. Aur. Vict. — Sexti Aurelii Victoris Opera / Hrsg. v. F. Pichlmayr. Leipzig, 1911.

40. SHA — *Scriptores Historiae Augustae* / Hrsg. v. E. Hohl. Leipzig, 1965. Vol. I–II.
41. Socr. Schol. — *Socrati Scholastici Ecclesiastica Historia* / Ed. by R. Hussey. Oxford, 1853.
42. Soz. — *Sozomenus. Kirchengeschichte* / Hrsg. v. G. Ch. Hansen. Berlin: De Gruyter, 1995.
43. Theoph. — *Theophanis Chronographia* / Hrsg. v. K. De Boor. Leipzig, 1883. Vol. I.
44. Zos. — *Zosimi Historia Nova* / Hrsg. v. L. Mendelsohn. Leipzig, 1887.
45. Zotenberg — *Chronique de Jean, Évêque de Nikiou. Texte Éthiopien publié et traduit par H. Th. Zotenberg. Paris, 1883.*

Литература

46. Банников (2013) — *Банников А. В. Военно-историческая реконструкция битвы при Адрианополе (9 августа 378 года)* // Вестник СПбГУКИ. 2013. Вып. 3 (160). С. 174–183.
47. Банников (2021) — *Банников А. В. Поход Юлиана*. СПб.: Евразия, 2021.
48. Граков (1947) — *Граков Б. Н. Γυναικοκρατοῦμενοι: пережитки матриархата у сарматов* // ВДИ. 1947. Т. 3. С. 100–121.
49. Дзиговский (2012) — *Дзиговский А. Н. Из истории Буджака последней трети IV в. н.э.* // Золото, конь и человек. Сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012. С. 439–449.
50. Дмитриев (1940) — *Дмитриев А. Д. Движение багаудов* // Вестник древней истории. 3–4. 1940. С. 101–114.
51. Дибвойз (2008) — *Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии* / Пер., науч. ред. и библиограф. прил. В. П. Никонова. СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2008.
52. Засецкая (1994) — *Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.)*. СПб., 1994.
53. Казанский (2014) — *Казанский М. М. Вождское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст* // *Tractus Aevorum*. 2014. Т. 1. С. 28–51.
54. Казанский (2020) — *Казанский М. М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V — середина VI вв.) в Восточной Европе* // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2020. Вып. XXV. С. 90–167.
55. Казанский, Мастыкова (2009) — *Казанский М. М., Мастыкова А. В. «Царские» гунны и акациры* // *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Сб. науч. ст. к юбилею И. П. Засецкой. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
56. Козлов (2015) — *Козлов А. С. «Византийская история» Приска Панийского как памятник классического исторического нарратива* // *Документ, архив, история современность*. 2015. Т. 15. С. 152–166.
57. Кузнецов (1961) — *Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов»* // *Советская археология*. 1961. Т. 2. С. 79–95.
58. Кулаковский (2000) — *Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии* / Под ред. С. М. Перевалова. СПб.: Алетейя, 2000.
59. Курбатов (1958) — *Курбатов Г. Л. Восстание Прокопия (365–366 гг.)* // *Византийский Временник*. 1958. Т. XIV. С. 3–26.
60. Никонов (1987) — *Никонов В. П. Вооружение и военное дело в Парфии: Дис. ... канд. ист. н. Л., 1987.*
61. Никонов (199) — *Никонов В. П. К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах)* // *Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: Сб. науч. тр. Кемерово*, 1995. С. 53–61.
62. Никонов (2002) — *Никонов В. П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции* // *Записки восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия*. СПб., 2002. Т. I (XXVI). С. 223–317.
63. Плетнева (1978) — *Плетнева С. А. Хан Боняк и его время* // *Проблемы археологии*. 1978. Вып. 2. С. 174–180.
64. Плетнева (2010) — *Плетнева С. А. Половцы*. М., 2010.
65. Пржигодзкая (2006) — *Пржигодзкая О. В. Политическая деятельность Флавия Ардабура Аспара* // *Вестник СПбГУ*. 2006. Сер. 2. Вып. 3. С. 103–108.

66. Симоненко (2009) — *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009.
67. Смирнов (1964) — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964.
68. Хазанов (1971) — *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
69. Шукин (2005) — *Шукин М. Б.* Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005.
70. Allen (1981) — *Allen P.* Evagrius Scholasticus the Church Historian // *Spicilegium Sarum Lovaniense* 41. Louvain, 1981.
71. Bachrach (1973) — *Bachrach B. S.* A History of the Alans in the West. From their first Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973.
72. Barnes (1982) — *Barnes Th. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1982.
73. Barnes (1997) — *Barnes T.* Christentum und dynastische Politik (300–325) // *Usurpationen in der Spätantike* / Hrsg. v. F. Paschoud und J. Szidat. Stuttgart, 1997. S. 99–110.
74. Barnes (1998) — *Barnes Th. D.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca; London: Cornell University Press, 1998.
75. Barnes (2014) — *Barnes Th. D.* Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Oxford: Wiley Blackwell, 2014.
76. Blockley (1981) — *Blockley R. C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool: Francis Cairns, 1981.
77. Cameron (1996) — *Cameron A.* Procopius and the Sixth Century. London; New York: Routledge, 1996.
78. Casey (1994) — *Casey P. J.* Carausius and Allectus: The British Usurpers. London, 1994.
79. Diboise (1937) — *Diboise N. C.* A Political History of Parthia. Chicago: The University of Chicago Press, 1937.
80. Greatrex, Lieu (2005) — *Greatrex G., Lieu N. C.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, Part II AD 363–630. A narrative sourcebook. London; New York: Routledge, 2005.
81. Haensch (2004) — *Haensch R.* La christianisation de l'armée romaine // *L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Acte du Congrès de Lyon* / Ed. par Y. le Bohec et C. Wolf. Lyon, 2004. P. 525–531.
82. Hefele, Leclercq (1907) — *Hefele Ch. J., Leclercq H.* Histoire des conciles d'après les documents originaux. Paris. 1907. T. I. Pars I.
83. Holm (1977) — *Holum K. G.* Pulcheria's Crusade A. D. 421–422 and the Ideology of Imperial Victory // *Greek-Roman and Byzantine studies*. 1977. Vol. 18. P. 153–172.
84. Holm (1979) — *Holum K. G., Vikan G.* The Trier Ivory, "Adventus" Ceremonial, and the Relics of St. Stephen // *Dumbarton Oaks Papers*. 1979. Vol. 33. P. 113, 115–133.
85. Holm (1989) — *Holum K. G.* Theodosian Empresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkley, Los Angeles; London: University of California Press, 1989.
86. Hughes (2010) — *Hughes I.* Stilicho: The Vandal who saved Rome. Barnsley, Pen and Sword, 2010.
87. Kazanski (2012) — *Kazanski M.* Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // *Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales* / Ed. par S. Lazaris. Turnhout, Brepols, 2012. P. 193–199, 287–296.
88. King (2019) — *King Ch. W.* Attila, Honoria, and the Nature of Hunnic Rule // *Radical Traditionalism. The Influence of Walter Kaegi in Late Antique, and Medieval Studies* / Ed. by Ch. Raffenperger and D. Olster. London, 2019. P. 97–114.
89. Lizzi Testa (2013a) — *Lizzi Testa R.* Costantino e il Senato Romano // *Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosidetto editto di Milano 313–2013*. Roma, 2013. Vol. I. P. 351–367.
90. Lizzi Testa (2013b) — *Lizzi Testa R.* Costantino nel Codice Teodosiano. La raccolta delle leggi per un nuovo Codice // *Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosidetto editto di Milano 313–2013*. Roma, 2013. Vol. II. P. 273–289.

91. Olbrycht (1998) — *Olbrycht M. J.* Parthia et ultiores gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. Muenchen, 1998.
92. Payne (2015) — *Payne R.* The Reinvention of Iran: The Sasanian Empire and the Huns // The Cambridge Companion to the Age of Attila / Ed. by M. Maas. Cambridge University Press, 2015. P. 282–302.
93. PLRE (1980) — *Martindale J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II: 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
94. Pourshariati (2008) — *Pourshariati P.* Decline and Fall of the Sasanian Empire. The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. London; New York: I. B. Tauris, 2008.
95. Rocco (2013) — *Rocco M.* Fausta, Costantino e lo stuprum per vim // Rivista Storica dell'Antichità. 2013. Vol. XLIII. P. 244–260.
96. Rubin (1954) — *Rubin B.* Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954.
97. Shahid (2006) — *Shahid I.* Byzantium and the Arabs in the Fifth Century. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2006.
98. Schukin, Shuvalov (2007) — *Schukin M., Shuvalov P.* The Alano-Gothic cavalry charge in the battle of Adrianopole // Geografia e viaggi nel mondo antico. Ancona, 2007. Vol. 12. P. 233–253.
99. Sinor (1990) — *Sinor D.* The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge University Press, 1990.
100. Tarn (1938) — *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge: University Press, 1938.
101. Teetgen (1907) — *Teetgen A. B. B.* The Life and Times of the Empress Pulcheria (399–452). London: Swan Sonnenschein and Co, 1907.
102. Vasiliev (1950) — *Vasiliev A.* Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950.
103. Waszak (2016) — *Waszak D.* Addac “Rex Alanorum” // Nowy Filomata. 2016. Vol. XX, 1. P. 72–77.
104. Woods (1998) — *Woods D.* On the death of the Empress Fausta // Greece and Rome. 1998. Vol. XIV, 1. P. 70–86.